

ХЕЛЬСИНКСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Присоединение Крыма к Российской Федерации

Репрезентация события в статьях
российских СМИ

Anna Obukhova
Pro gradu -tutkielma
Venäjän kieli ja kirjallisuus
Kielten osasto
Helsingin yliopisto
Marraskuu 2019

Tiedekunta/Osasto – Fakultet/Sektion – Faculty Humanistinen tiedekunta / Kielten osasto		
Tekijä – Författare – Author Anna Obukhova		
Työn nimi – Arbetets titel – Title Prisojedinenije Kryma k Rossijskoj Federatsii: Reprezentacija sobytija v statjah rossijskih SMI		
Oppiaine – Läroämne – Subject Venäjän kieli ja kirjallisuus		
Työn laji – Arbetets art – Level Pro -gradu tutkielma	Aika – Datum – Month and year Marraskuu 2019	Sivumäärä– Sidoantal – Number of pages 83
Tiivistelmä – Referat – Abstract <p>Tutkielmassa tarkastellaan, kuinka Krimin liittäminen Venäjän Federaatioon esitettiin vuoden 2014 keväällä venäläisissä lehdissä "Izvestija" ja "Novaja gazeta". "Izvestija" on yhteiskunnallispoliittinen sanomalehti, joka kuuluu valtamediaan, kun taas "Novaja gazeta" on edellistä vastaava sanomalehti, joka toimii opposition äänenkannattajana. Tutkielman tavoitteena on paljastaa representaatiot ja diskurssit, jotka nämä venäläislehdet omien poliittisten suuntauksiensa mukaisesti rakensivat Krimin tapahtumien ympärille.</p> <p>Tässä työssä käytetään teoreettisia käsitteitä diskurssi, representaatio ja kriittinen diskurssianalyysi. Tutkimuksen päämenetelmä on yhdistelmä korpuslingvistikasta kollokaatioanalyysistä ja kriittisestä diskurssianalyysistä. Tässä työssä tutkitaan <i>Krim</i>-lemmaan liittyviä kollokaatioita. Näiden kollokaatioiden ympäristöstä etsitään myös retorisia keinoja. Retorinen analyysi on rinnakkaismenetelmä tässä tutkimuksessa. Tutkimusaineisto koostuu kahdesta eri artikkelikorpuksesta, Izvestija- ja Novaja Gazeta -korpuksista. Tutkimusaineisto rajoittuu ajallisesti 21.2.2014 ja 28.3.2014 väliin "Krimin kevään" tapahtumien mukaan.</p> <p>Tutkimustulokset osoittavat "Izvestijalle" kuusi tyypillistä diskurssia, kun taas "Novaja gazetalle" kaksi. "Izvestijalle" tyypilliset diskurssit ovat Venäjän toimia ja Krimin liittämistä tukevia. "Izvestija" -aineistosta löytyi seuraavat diskurssit: historialliskulttuurinen yhteys Venäjän ja Krimin välillä, etnisten venäläisten suojeleminen Krimillä, Venäjän intressien turvaaminen, oma-aloitteiset toimet Krimin puolelta sekä Venäjä-myönteiset mielipiteet Krimillä, Krimin liittymisen tuki Venäjän väestöltä ja Krimin positiivinen kehitys osana Venäjää. "Novaja gazetalle" tyypilliset diskurssit kritisoivat Venäjän toimintaa ja Krimin liittämistä Venäjään. "Novaja gazetan" diskurssit keskittyivät sekä laittomaan liittämiseen että sen kielteisiin seurauksiin.</p> <p>Jotkin yllämainituista diskursseista kuitenkin esiintyvät molemmissa lehdissä. Tällaisten diskurssien sisällä kummankin lehden argumentit vastustavat toisiaan tai keskittyvät eri kohteisiin tukeakseen lehden omaa agenda.</p> <p>Analyysin tulokset myös osoittavat, että "Izvestijan" diskurssien enemmistö on poliittisia myyttejä, joiden tarkoitus on vahvistaa venäläistä dominoivaa poliittista ideologiaa. Toisaalta taas "Novaja gazetan" liittämisenvastaiset argumentit osittain sivuavat läntisten samanhenkisten lehtien argumentointia. Kaiken kaikkiaan, "Izvestijan" ja "Novaja gazetan" diskurssien suhteen voidaan sanoa olevan taistelu dominoivan ja dominoitavan diskurssin välillä. Kummankin lehden representaatiot eroavat toisistaan radikaalisti suhteessa Krimin liittämisen arviointiin.</p> <p>Tutkimus myös osoittaa joitakin retorisia keinoja, joita lehdet käyttivät vakuuttaakseen lukijoitaan, esimerkiksi metafora, retorinen kysymys, konsensuksella tai asiantuntijan lausunnolla vahvistaminen ja puhujakategorioilla oikeuttaminen.</p>		
Avainsanat – Nyckelord – Keywords Venäjä, Krimin liittäminen, tiedotusvälineet, diskurssi, representaatio, korpuslingvistiikka, kriittinen diskurssianalyysi		
Säilytyspaikka – Förvaringställe – Where deposited Humanistisen tiedekunnan kirjasto – Helda / E-thesis (opinnäytteet)		
Muita tietoja – Övriga uppgifter – Additional information Työn nimi suomeksi: Krimin liittäminen Venäjän Federaatioon: Tapahtuman representaatio Venäjän joukkotiedotusvälineissä		

Оглавление

1. Введение	4
2. Определение понятий настоящего исследования	7
2.1 Дискурс	7
2.2 Репрезентация	10
2.3 Критический дискурс-анализ и анализ репрезентаций	12
2.4 Корпусная лингвистика и КДА	16
2.5 Риторический анализ	18
3. Газеты «Известия» и «Новая газета» в современном российском журналистском дискурсе.....	21
4. Присоединение Крыма в СМИ. Предыдущие исследования.....	25
5. Материал и методы исследования.....	28
5.1 Материал.....	28
5.2 Методы.....	30
6. Результаты исследования	34
6.1 Коллокации.....	34
6.2 Дискурсы	43
6.2.1 Историческое и культурное единство России и Крыма....	43
6.2.2 Защита прав русскоязычных Крыма	46
6.2.3 Защита российских интересов	51
6.2.4 Независимые действия и пророссийские настроения Крыма	52
6.2.5 Поддержка присоединения Крыма россиянами	57
6.2.6 Положительное развитие Крыма в составе России	60
6.2.7 Незаконность присоединения Крыма к России	62
6.2.8 Негативные последствия присоединения Крыма	66
6.3 Выводы.....	70
7. Заключение	75
Исследовательская литература	79
Словари	82

Список таблиц

Таблица 1: Коллокаты леммы Крым. Модель {Крым и/или х} ...	34
Таблица 2: Коллокаты леммы Крым. Модель {[существительное] + Крыма}. Группы Присоединение и Отделение	36
Таблица 3: Коллокаты леммы Крым. Модель {[существительное] + Крыма}. Группы Население и Власть	38
Таблица 4: Коллокаты леммы Крым. Модель {[существительное] + Крыма}. Группы Развитие и Территория.....	39
Таблица 5: Коллокаты леммы Крым. Модели {[глагол] + Крым} и {[прилагательное] + Крым}	40
Таблица 6: Коллокаты леммы Крым. Модель {Крым + [глагол]}	41

1. Введение

В настоящей работе анализируется, как присоединение Крыма к Российской Федерации было представлено в некоторых российских СМИ в 2014 году. В частности, рассматривается, как события, относящиеся к присоединению Крыма, интерпретировались российскими газетами «Известия» и «Новая газета» и как основные участники событий, например Крым, Россия и Украина, были представлены в материалах этих газет. Присоединение Крыма (согласно другой точке зрения – аннексия) – противоречивое событие не только с точки зрения столкновения мнений России и Запада. Противоположные мнения о крымских событиях наблюдались и внутри России, например среди российских СМИ. Несмотря на то что большинство российских СМИ поддерживали линию российского правительства и дали позитивную оценку присоединению Крыма (Амиров 2014: 53), оппозиционные издания демонстрировали точку зрения, не поддерживающую присоединения и критикующую российское участие в крымских событиях. На наш взгляд, изучение освещения крымских событий газетами с разной политической направленностью может дать возможность получить более сбалансированный взгляд на эти события.

Согласно Stratfor Worldview (2016), Крым сыграл важную роль в противостоянии между Москвой и Западом из-за Украины. Присоединением Крыма весной 2014 года Россия выразила своё резко отрицательное отношение к событиям Евромайдана, происходившими с ноября 2013 года по февраль 2014 года в Киеве. Крым традиционно входил в российскую сферу влияния (Stratfor Worldview 2016). Крымский полуостров перешёл к Российской империи в 1774 году в результате российско-турецкой войны 1768-1774 гг. и с тех пор стал активно развиваться как русская территория. В 1954 году Крым был передан из состава РСФСР в состав УССР. Законность данного акта оспаривается российской стороной. (Синчук 2018: 197.) В настоящее время более 60% населения полуострова составляют этнические русские, а город Федерального значения Севастополь долгое время является местом дислокации российского Черноморского флота. В феврале 2014 года пророссийски настроенные жители Крыма при активной поддержке Москвы не поддержали смену власти в Киеве. (Stratfor Worldview 2014.)

Крымские события весны 2014 года официальные российские издания называли «Крымской весной» (Козлов и др. 2019). Согласно одной из точек зрения на данные события, представленной в российской газете «Аргументы и факты» журналисткой Е. Шевалье (2015), «Крымскую весну» можно обозначить периодом с 21 февраля 2014 года по 28 марта 2014 года. Исходя из данной версии

событий, 21 февраля две тысячи жителей Симферополя выступили с протестом против ассоциации Украины с Евросоюзом и потребовали полной независимости автономной республики Крым от Украины. В последующие дни эта акция переросла в митинги и столкновения между жителями Крыма, демонстрировавшими недоверие официальному правительству Крыма и требовавшими проведения референдума об автономии, и жителями Крыма, в частности представителями крымско-татарского народа, не поддержавшими референдум. Среди дальнейших событий, по версии Е. Шевалье (там же), можно, очевидно, отметить появление в Крыму вооружённых людей без знаков отличия, блокирование ими украинских военных частей, смену правительства республики, митинги в поддержку воссоединения Крыма и России. Завершающими ключевыми событиями можно, очевидно, считать референдум о независимости Крыма, проведённый 16 марта, а также провозглашение независимости Крыма и подписание договора о воссоединении республики Крым и города Севастополя с Россией 17-18 марта. Завершает «Крымскую весну», по мнению Е. Шевалье (там же), сообщение министра обороны России Сергея Шойгу о выводе украинской армии с территории Крыма 28 марта.

Анализируя газетные тексты на предмет освещения того или иного политического события в СМИ, очевидно, следует учитывать тот факт, что слияние журналистских и политических дискурсов — это сложный разносторонний процесс. Среди аспектов этого процесса, которые мы принимаем во внимание в данной работе, можно указать следующие. Массмедиа сегодня часто выступают основным источником понимания мира (Talbot 2007: 3). При этом СМИ не просто освещают события, а интерпретируют их, «транслируют определённый дискурс» (Демильханова & Денисова 2016: 88). По ряду причин предлагая своей аудитории репрезентации событий, массмедиа осуществляют это при помощи языка и / или изображений (Baker et al. 2013: 3). Можно даже считать, что СМИ «создают особую риторическую действительность» — «условную модель реальной жизни общества» (Быкова 2000: 43). Такая действительность может возникать «сквозь призму групповых интересов» (Быкова там же), т.е. под влиянием определённых групп, наделённых властью. С другой стороны, следует учитывать, что хотя газеты оказывают влияние на общество и формируют сознание своих читателей, для успешного существования газеты вынуждены функционировать во взаимоотношениях со своими читателями (Baker et al. 2013: 6).

Как нами отмечалось ранее, настоящее исследование посвящено анализу материалов газет «Известия» и «Новая газета». «Известия» — это общественно-политическая газета, относящаяся к ведущим российским СМИ, а «Новая газета»

– общественно-политическая газета, относящаяся к оппозиционной прессе. Таким образом, целью нашей работы является выявление репрезентаций, построенных в рамках крымских событий российскими газетами с разной политической направленностью. В данной работе мы используем теоретические понятия дискурс, репрезентация, критический дискурс-анализ и, в основном, опираемся на идеи Н. Фэркло (1995). Методами нашего исследования является сочетание метода корпусной лингвистики – анализа коллокаций – и критического дискурс-анализа. Сочетание данных методов мы заимствуем из исследования П. Бейкера и др. (Baker et al. 2013). Таким образом, в нашем исследовании используется лингвистический анализ для выявления дискурсов и репрезентаций, присущих каждой из газет. В окружении выявленных нами коллокаций леммы *Крым* мы также проводим риторический анализ, который является второстепенным в рамках данного исследования. Лемма – это основная форма слова, поиск которой в лемматизированном корпусе текстов включает в себя все формы данного слова (SEG б.г.).

Первой задачей нашей работы является определение понятий настоящего исследования, а также описание газет «Известия» и «Новая газета» в рамках современного российского журналистского дискурса. Во вторую задачу входит описание предыдущих исследований по теме, а также материалов и методов нашего исследования. Третьей задачей является выявление дискурсов и репрезентации каждой из рассматриваемых газет. Первая и вторая задачи определяют теоретическую часть нашей работы, третья – практическую.

В главе 2 будут определены и описаны теоретические понятия, используемые в нашем исследовании: дискурс, репрезентация, критический дискурс-анализ и анализ репрезентации, сочетание критического дискурс-анализа с корпусной лингвистикой, а также риторический анализ. В главе 3 пойдёт речь о газетах «Известия» и «Новая газета» как части российского журналистского дискурса. Глава 4 посвящена обзору предыдущих лингвистических исследований об освещении крымских событий 2014 года российскими и зарубежными СМИ. В главе 5 будет описан материал нашего исследования – корпусы газетных статей. В данной главе также будут описаны методы нашего исследования. В главе 6 мы проанализируем коллокации, опишем выявленные нами дискурсы и подведём итоги. В главе 7 приведём заключение.

2. Определение понятий настоящего исследования

2.1 Дискурс

Определение термина дискурс затруднено, поскольку дискурс рассматривается на стыке различных дисциплин: лингвистики, антропологии, литературоведения, социологии, социолингвистики, философии и пр. Однако можно сказать, что сейчас происходит оформление дискурса в отдельную междисциплинарную область – дискуртологию. (Бабаян 2017: 76.) Так, В. Е. Чернявская (2013: 6) рассматривает дискурс в рамках одной из гуманитарных наук – лингвистики, в составе самостоятельной лингвистической дисциплины – лингвистики дискурса. Согласно В. Н. Бабаяну (2017: 76), понятие дискурс изначально возникло в рамках дисциплины под названием лингвистика текста. Согласно автору, теория дискурса всегда была неразрывно связана с лингвистикой текста, хотя понятия дискурс и текст часто разграничиваются. Например, текст можно рассматривать как письменную форму языка, а дискурс – как речевую. Задачами лингвистики текста можно считать изучение отдельных текстов, а задачами дискурса-анализа – текстов в контексте. (Тичер и др. 2009: 36.)

Как указывается в начале данной главы, дискурс рассматривается в рамках не только лингвистики. Так, В. Берр (Burr 2003: 1–3, 46) обращается к дискурсу в рамках теории социального конструкционизма, которую относят, например к психологии и социальной психологии. Социальный конструкционизм – это теоретическое направление, изучающее миропонимание и построение социальной реальности. Центральная роль в понимании социальной реальности отводится языку и его употреблению.

Предполагается, что слово *дискурс* происходит от латинского слова *discursus*, которое является номинальной вариацией глагола *discurrere* – «убегать», в переносном значении – «увлекаться и позволять себе что-то», «давать информацию о чём-то». В Средние века слово *discursus* означало «разговоры», «споры» и «разговорчивость». (Тичер и др. 2009: 45.) В настоящее время под дискурсом можно понимать «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», «речь, погружённую в жизнь» (ЛЭС s.v. Дискурс).

Н. Фэркло (Fairclough 1995: 18) пишет, что в настоящее время термин дискурс широко употребляется в различных дисциплинах, поэтому иногда понимается беспорядочно. Н. Фэркло (там же) выделяет два смысла понятия дискурса. С одной стороны, под дискурсом можно понимать «социальное действие и

взаимодействие; людей, взаимодействующих в социальных ситуациях». Такой подход к дискурсу распространён в лингвистике. На наш взгляд, к этому подходу можно отнести определение Т. А. ван Дейка (1989: 121–122), считающего, что дискурс – это «сложное единство языковой формы, значения и действия», которое «не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания» (например текста, диалога), а включает также социальную ситуацию, например «личностные и социальные характеристики» говорящего и слушающего.

С другой стороны, по Н. Фэркло (Fairclough 1995: 18), под дискурсом понимается «социальная конструкция реальности, форма знаний». Такой подход к дискурсу преобладает в постструктуралистской социальной теории (например в работах Фуко) (Fairclough там же). Похожее определение дискурса даёт В. Берр (Burr 2003: 64). По её мнению, дискурс представляет собой

группу значений, метафор, репрезентаций, образов, рассказов, утверждений и пр., которые вкупе образуют определённую версию событий. Дискурс обозначает некую картину, отображающую событие, человека или группу людей, некий способ репрезентации в определённом свете.

Понимание дискурса у Н. Фэркло (Fairclough 1995: 18) объединяет два смысла данного понятия (дискурс как социальное взаимодействие людей и как способ построения реальности), описанные выше. По Н. Фэркло (Fairclough 2001: 14), под дискурсом следует понимать использование языка как форму «социальной практики, определяемой социальными структурами». Понимание дискурса как социальной практики подразумевает диалектические (т.е. двусторонние) отношения между «дискурсивным событием и ситуацией (ситуациями), институтом (институтами) и социальной структурой (структурами), которые его формируют». Дискурсивное событие также может называться коммуникативным событием (Fairclough & Wodak цит. по Тичер и др. 2009: 201–202). Примером коммуникативного события в рамках дискурса СМИ может служить газетная статья или телевизионный документальный фильм (Fairclough 1995: 56).

В. Берр (Burr 2003: 75) пишет, что дискурсы ни в коем случае не являются какими-то абстрактными идеями, а тесно связаны с деятельностью общественных институтов и социальными практиками, имеющими глубокое влияние на наш образ жизни. При этом

вокруг одного и того же объекта, события, человека и т. д. могут существовать разнообразные дискурсы, и каждый из дискурсов рассказывает свою историю об объекте и по-своему представляет его окружающему миру (Burr 2003: 64).

В. Е. Чернявская (2013: 134) отмечает, что дискурсом образуется «рамочное пространство вокруг «своего»». В «своё» могут входить «однородные идеи,

теории, смыслы, овеществлённые в текстах», а также «когнитивные стратегии автора, взаимодействующего со своим же адресатом». «При этом «рамка дискурса» отсекает всё, что не попадает в её пространство». По мнению В. Берр (Burr 2003: 65, 76), описывая свой объект, каждый дискурс стремится показать, что именно такое представление является истинным, а признание определённых дискурсов, а не каких-либо других истинными, происходит по причине соблюдения правящими группами своих интересов. Такое положение дел Н. Фэркло (Fairclough 2001: 75–76) называет борьбой дискурсов и указывает на существование доминирующего (dominating) и подавляемого (dominated) [перевод наш – АО] дискурсов. Н. Фэркло (там же) пишет, что целью борьбы дискурсов является установление или сохранение какого-то дискурса в роли доминирующего в определённом обществе. Это означает установление или сохранение определённых идеологических убеждений в качестве соответствующих здравому смыслу. При этом, по мнению В. Берр (Burr 2003: 69), доминирующие дискурсы постоянно являются предметом оспаривания и противостояния. Тем не менее, Н. Фэркло (там же) утверждает, что отношения между доминирующим и подавляемым дискурсами могут быть двух типов: они могут не только находиться в отношении оппозиции, но и доминирующий дискурс может содержать в себе подавляемый. При этом если в первом случае подавляемые дискурсы действительно сдерживаются или даже устраняются, то во втором они получают некоторую легитимность и защиту.

В нашей работе, с одной стороны, понимание дискурса строится на определении Н. Фэркло (Fairclough 2001: 14), в котором дискурс рассматривается как социальное взаимодействие людей и как способ построения реальности, т.е. под дискурсом мы будем понимать использование языка как форму «социальной практики, определяемой социальными структурами». В настоящей работе это означает отношения между следующими факторами: события, которые можно отнести к присоединению Крыма к РФ весной 2014 года (ситуация), освещение этих событий газетами «Известия» и «Новая газета» (дискурсивные события), функционирование газет «Известия» и «Новая газета» в российском медиа-пространстве (институты), общественный, политический, экономический контекст крымских событий (социальные структуры). Данные факторы будут нами раскрываться несколько подробнее в последующих главах теоретической части настоящей работы, например о характеристиках рассматриваемых газет рассказывается в главе 3, о крымских событиях – в главе 1 и главе 5.1. Однако, исходя из того, что газета «Известия» относится к изданиям, поддерживающим официальный политический курс РФ, а «Новая газета» выражает оппозиционные политические взгляды, мы можем предполагать, исходя из борьбы дискурсов Н.

Фэркло (Fairclough 2001: 75–76), что освещение событий «Известиями» можно рассматривать в рамках доминирующего дискурса в российском политическом и социальном контексте, а освещение «Новой газетой» – в рамках подавляемого дискурса. Детальные отношения между этими дискурсами мы надеемся выявить в ходе анализа нашей работы.

С другой стороны, в нашей работе особое внимание уделяется дискурсу как способу формирования реальности. В этом смысле нам близко определение В. Берр (Burr 2003: 64), в котором дискурс представлен «некой картиной, отображающей событие», «способом репрезентации в определённом свете». В связи с этим представляется важным рассмотреть связь между дискурсом и репрезентацией. Это мы делаем в следующей главе.

2.2 Репрезентация

Согласно А. Партингтону (Partington 2015: 220), термин репрезентация часто используется в дискурс-анализе, особенно в отношении политического и журналистского дискурсов. С. Пиетикайнен и А. Мянтьонен (Pietikäinen & Mäntynen 2009: 56) также описывают репрезентацию (буквально 'новое, повторное изображение, представление') в тесной связи с дискурсом. По их мнению, описывая предметы, явления и людей, дискурсы именуют, определяют иерархию наименований, к чему-то привлекают внимание, а что-то оставляют в стороне. О репрезентации можно говорить тогда, когда вышеуказанная функция дискурсов рассматривается в связи с использованием языка в определённых исторических и социальных рамках. А. Партингтон (Partington 2015: 223) определяет репрезентацию как «относительно фиксированное во времени описание событий или участника (часто группы участников) социального процесса».

Некоторые авторы утверждают, что создание репрезентаций обосновано по естественным причинам. Как пишет А. Партингтон (Partington 2015: 221–221), единственного, естественно предписанного способа описания реальности вообще не существует. С этой мыслью соглашаются П. Бейкер и др. (Baker et al. 2013: 3), утверждая, что никакое событие невозможно осветить полностью, исчерпывающе и абсолютно беспристрастно. Поэтому, согласно А. Партингтону (там же), когда идёт речь об отражении реальности в текстах СМИ, употребление термина репрезентация оправдано по ряду причин. Во-первых, описание реальности или отношений между реальностями – это абстракция, а не реальность сама по себе.

Во-вторых, любая попытка описания события или просто наблюдения за ним содержит в себе элемент взаимодействия или даже вмешательства.

Однако говоря о репрезентациях в рамках дискурса СМИ, следует понимать, что эти репрезентации ограничены не только невозможностью полного и беспристрастного отражения реальности, но и выбором, который приходится делать в процессе создания текстов (Fairclough 1995: 104). Так, П. Бейкер и др. (Baker et al. 2013: 3) пишут, что, повествуя о тех или иных событиях, журналисты часто ограничены временем и пространством, они вынуждены оказывать предпочтения определённым событиям и мнениям в ущерб другим. Авторы отмечают, что репрезентации тех или иных событий также могут быть окрашены в цвет политической ориентации, которую имеет издание. Необходимо также отметить роль цензуры в ограничении тех или иных репрезентаций. Так, Дж. Уэбб (Webb 2008: 104–105) пишет, что цензура может иметь как положительный эффект, например в отношении защиты государством аудитории СМИ от оскорбительных репрезентаций, так и отрицательный эффект, например когда определённые группы людей (азиаты, мусульмане и пр.) выставлены СМИ в негативном свете. Таким образом, как пишет Н. Фэркло (Fairclough 1995: 104), формы, которые принимают репрезентации, во многом зависят от «социального положения, интересов и целей тех, кто эти репрезентации создаёт»

Тем не менее несмотря на то, что, по Н. Фэркло (Fairclough 1995: 103), репрезентации не «отражают реальность», а представляют собой «версии реальности», репрезентации, очевидно, имеют огромное влияние. Так, по мнению Дж. Уэбб (Webb 2008: 29), репрезентация не только определяет действительность, но и формирует наше представление о действительности и её понимание. Предметы и события становятся для нас сущностями, имеющими значение и смысл, через их репрезентацию в дискурсе (Burr 2003: 67). В контексте массмедиа формирование представлений о реальности через репрезентации происходит, очевидно, следующим образом. Массмедиа охватывают огромную аудиторию и являются неотъемлемой частью её жизни. Массмедиа всё время повторяют свои репрезентации, и эти репрезентации предстают перед аудиторией единственной правдой и непреложной истиной. (Webb 2008: 99.) При этом следует заметить, что массмедиа, а также представители государственного управления интерпретируют события в основном «жёстко и однозначно», воздействуя на общественное мнение при помощи собственных оценок этих событий (Берельсон, цит. по Науменко 2005: 25).

Н. Фэркло (Fairclough 1995: 103) определяет репрезентацию как способ, при помощи которого «события, ситуации, отношения, люди и пр. представлены в текстах». Анализ дискурса и анализ репрезентаций, по мнению Н. Фэркло

(Fairclough 1995: 105), объединяет то, что они оба обращают внимание «на решения, принимаемые в процессе создания текстов с целью обозначения и построения реальности», решения, базирующиеся на «социальной мотивации». Рассматривая коммуникативное событие (текст) с точки зрения построения реальности и мотивации к этому, Н. Фэркло (Fairclough 1995: 41) задаётся вопросом, как коммуникативные события, существующие в обществе, трансформируются в зависимости от целей, ценностей и задач коммуникации, в которой эти события используются. Также учёного интересует, какие репрезентации строятся коммуникативными событиями в рамках той или иной коммуникации. При анализе текста под различными репрезентациями можно понимать различные дискурсы. В этом смысле дискурс можно определить, как «некое использование языка, ассоциируемое с конкретной репрезентацией социальной практики с определённой точки зрения». (Fairclough там же.)

Данное определение Н. Фэркло, на наш взгляд, даёт нам основание поставить знак равенства между репрезентацией и дискурсом в контексте нашего исследования. Наша точка зрения, как нам кажется, поддерживается также определением репрезентации С. Пиетикяйнен и А. Мянтюнен (Pietikäinen & Mäntynen 2009: 56), указанном в начале данной главы. В этом определении авторы считают как репрезентацию, так и дискурс создателями наименования и образа реальности. О тесной связи анализа репрезентаций и анализа дискурса также будет указано в следующей главе.

В связи с этим мы считаем, что в нашем исследовании можно выделить некоторое количество дискурсов внутри каждой из газет. Найденные дискурсы мы будем в целом считать репрезентацией крымских событий, построенной каждой из газет.

2.3 Критический дискурс-анализ и анализ репрезентаций

В данной главе мы кратко рассмотрим подход к критическому дискурс-анализу анализу (КДА), применяемый в нашей работе, а также анализ репрезентаций в рамках КДА. Мы используем понимание КДА и анализа репрезентаций Н. Фэркло (1995).

КДА исходит из понимания языка как формы социальной практики и исследует, как идеология и властные отношения выражаются в языке (Baker et al. 2013: 6). Идеология «представляет собой форму социального знания, разделяемого членами группы, класса или других социальных формаций». Идеология является «комплексной когнитивной системой, контролирующей

формирование, трансформирование и применение» таких социальных знаний, как «мнения и оценки, а также социальные репрезентации». (ван Дейк 2013: 54. Согласно П. Бейкеру и др. (Baker et al. 2013: 22), целью КДА во многом является выявление в текстах определённого неравенства или предубеждения в рамках того или иного контекста. Также результатом использования КДА может быть понимание того, как влиятельные люди и группы добиваются власти и удерживают её.

Среди принципов КДА, разработанных Р. Водак (Wodak цит. по Тичер и др. 2009: 198–199), отметим следующие:

- фокус КДА – это не язык как абстрактная единица, а «лингвистический характер социальных процессов и структур».
- КДА изучает «власть в дискурсе и власть над дискурсом».
- Общество и культура «формируются дискурсом и в то же время конституируют дискурс».
- Дискурсы следует рассматривать в рамках культуры, идеологии и истории, а также в интертекстуальных отношениях с другими дискурсами.
- Анализ дискурсов носит интерпретативный характер. Интерпретации «открыты для новых контекстов и новой информации».

Подход Н. Фэркло к КДА является одной из основных школ анализа СМИ в рамках современного КДА (Будаев 2019: 9). Н. Фэркло (Fairclough 1995: 56–57) предлагает анализировать любую дискурсивную практику, например дискурс СМИ, основываясь на двух составляющих: анализе коммуникативного события и анализе порядка дискурса. Порядок дискурса – комплекс дискурсивных практик, используемых в социальном институте или социальной сфере, и отношения между этими практиками. Так, примерами порядков дискурса могут служить школа и дом, а примерами дискурсивных практик, относящихся к школе, – учебный класс и игровая площадка. (Fairclough 1995: 55–56.) Примером коммуникативного события в рамках дискурса СМИ, как нами отмечалось ранее, может служить газетная статья. КДА коммуникативного события анализирует отношения между тремя аспектами: текстом, дискурсивной практикой и социокультурной практикой. (Fairclough 1995: 56–57.)

Под текстами Н. Фэркло (Fairclough 1995: 57–58) понимает как письменные, так и устные тексты. Анализ текста состоит из традиционного лингвистического анализа (лексика, семантика, грамматика и др.) и анализа организации текста. Анализ репрезентаций, по Н. Фэркло (Fairclough 1995: 103), также производится на данном уровне, т.е. в рамках лингвистического анализа текста. Анализ текста и анализ текстовых репрезентаций Н. Фэркло (Fairclough 1995: 17, 57–58) основываются на понятии «многофункциональности» текста, относящегося к

системно-функциональной лингвистике М. Халлидея. Согласно данному подходу, любой текст имеет три функции: функцию представления (ideational), межличностную (interpersonal) и текстуальную (textual) функцию (Halliday цит. по Fairclough 1995: 17; Тичер и др. 2009: 202). Функция представления – это репрезентация в тексте «опыта и мира», межличностная функция – это производство текстами «социальных интеракций между участниками дискурса», текстуальная – это формирование текста из отдельных компонентов (Тичер и др. там же). Н. Фэркло (Fairclough 1995: 17) выделяет следующие процессы, происходящие в тексте: репрезентацию, формирование отношений и формирование идентичностей – и в основном соотносит их с функциями текста М. Халлидея. Так, идеаторная функция текста порождает различные репрезентации мира, межличностная функция связана с формированием отношений и идентичностей. Такой подход способствует объединению лингвистического и социального анализов: например при помощи репрезентаций (функция представления) можно анализировать проблемы знаний, убеждений и идеологии, а при помощи процессов отношений и идентичности (межличностная функция текста) можно анализировать проблемы социальных отношений и власти, а также проблемы идентичности. (Fairclough 1995: 17.) Процессы формирования отношений и формирования идентичностей в тексте могут также рассматриваться как формирование отношений между писателем и читателем, а также формирование их идентичностей (Fairclough 1995: 58).

Тщательное рассмотрение языка в рамках анализа репрезентаций позволяет выявить реализацию особенностей дискурсов и различий между дискурсами именно в языке текста (в лексике, метафорах, грамматике) (Fairclough 1995: 105). Для проведения анализа репрезентаций Н. Фэркло (Fairclough 1995: 104–107) предлагает учитывать следующие аспекты: структуру пропозиций, последовательность пропозиций, а также наличие пресуппозиций. Пропозиция, по Н. Фэркло (Fairclough 1995: 104–107) примерно соотносится с простым предложением. Структура пропозиций указывает на то, как представлены события, отношения и пр. Рассматривая структуру пропозиции, следует обращать внимание на то, каким образом в предложении выражен процесс (глагол), участник процесса (существительные и именные группы), а также обстоятельство (наречия). Данные элементы необходимо анализировать с точки зрения выбора языковых средств, который осуществляет пишущий. Последовательность пропозиций означает способы соединения простых предложений в сложные, отношения между этими способами, а также рассмотрение всего текста, например с точки зрения жанра. Пресуппозиции означают скрытые значения в тексте, то

есть «то, что не сказано, но предполагается как само собой разумеющееся», нечто, воспринимаемое как очевидная истина. (Fairclough там же.)

Напомним, что другими аспектами КДА коммуникационного события, по Н. Фэркло (Fairclough 1995: 56–57), являются дискурсивная и социокультурная практики. Дискурсивная практика – это взаимодействие процессов производства и потребления текста (Fairclough 1995: 58). Сюда можно отнести, например «институциональную рутину», т.е. определённую повторяемость подготовки и производства текстов коллективом профессионалов СМИ, и условий, в которой эта рутина происходит (Fairclough 1995: 48–49). Также к дискурсивной практике относится, например разнообразие реакций и интерпретаций различными категориями зрителей определённой телепрограммы (Fairclough 1995: 49–50).

Социокультурная практика, по Н. Фэркло (Fairclough 1995: 57, 62) – это социальный и культурный контекст, частью которого является коммуникативное событие. Коммуникативное событие можно рассматривать на разных уровнях социокультурной практики: узкий ситуационный контекст, более широкий контекст институциональных практик, самый широкий общественный и культурный контекст. Социокультурную практику можно также анализировать с точки зрения трёх аспектов: экономического, политического (власть и идеология) и культурного (ценности и идентичность).

Особенностью анализа коммуникативного события, по Н. Фэркло (Fairclough 1995: 62), является то, что исследователь может сфокусироваться на каком-либо одном или нескольких аспектах данной структуры, будь то анализ текста, дискурсивной или социокультурной практик и их элементы. В нашем исследовании с целью выявления дискурсов, построенных газетами вокруг крымских событий, мы концентрируемся на анализе текстового аспекта коммуникативного события. Мы фокусируемся на функции представления текста или репрезентации. Тем не менее продукты, полученные в результате анализа, мы будем называть дискурсами, поскольку мы производим наш анализ в рамках КДА. В контексте нашего исследования тексты не анализируются целиком, а производится анализ коллокаций леммы *Крым*. О сочетании КДА и анализа коллокаций как одного из методов корпусной лингвистики речь пойдёт в следующей главе. По причине проведения анализа коллокаций нас, в первую очередь, интересует структура пропозиций, т.е. простых предложений, в которых встречаются данные коллокации. Однако во многих случаях мы также раскрываем более широкие контексты употребления изучаемых коллокаций, поэтому внимание обращается также на последовательность пропозиций и пресуппозиций.

Н. Фэркло (Fairclough 1995: 62) пишет, что даже если исследователь концентрируется на одном из аспектов анализа коммуникативного события, необходимо ориентироваться на полную структуру этого события (Fairclough 1995: 62). В связи с этим мы проводим наш лингвистический анализ, как уже отмечалось ранее, с учётом контекста функционирования газет «Известия» и «Новая газета» (дискурсивная практика) (см. главу 3), а также с учётом политического и общественного контекста крымских событий (социокультурная практика) (см. главу 5.1).

2.4 Корпусная лингвистика и КДА

КДА представляет собой качественный подход к анализу текстов. Однако в настоящее время существует также подход, объединяющий традиционный КДА и методы корпусной лингвистики, основанные на количественном подходе к анализу текстов. Корпусная лингвистика занимается изучением языка, примеры которого взяты из реальной жизни (McEnery & Wilson цит. по Baker et al. 2013: 25). Материалом исследования в корпусной лингвистике обычно является сбалансированный корпус (то есть массив) естественно возникших языковых текстов, сохранённый в компьютере (Baker 2006: 1; Baker et al. 2013: 25). Методы корпусной лингвистики основываются на использовании компьютерного программного обеспечения, выполняющего сложные вычисления по данным корпуса. Такие вычисления часто основываются на информации о частоте встречаемости слов, иногда в сопровождении статистических мер. Такие вычисления могут также представлять данные определённым образом, помогающим человеку выявлять языковые закономерности, паттерны в данных (Baker et al. там же). Статистическое, машинное выявление языковых закономерностей, присущих тому или иному корпусу текстов, является основой методов, ассоциируемых с подходом, сочетающим корпусную лингвистику и КДА (Baker 2012: 248). Языковые закономерности, встречающиеся в корпусе, могут позволить понять, каким образом используется язык для построения того или иного дискурса (Baker 2006: 1-2).

Исследование, в котором используется сочетание методов корпусной лингвистики и КДА, подразумевает постоянное перемещение от количественного анализа (статистические вычисления) к качественному анализу (КДА) и наоборот. Такая структура исследования циклична и потенциально непрерывна. (Baker et al. 2013: 27.) Количественный этап в таких исследованиях позволяет сфокусировать внимание исследователя на чём-то определённом, после чего исследование

становится более качественным, зависящим более от контекста, нежели от программного обеспечения. На качественном этапе возникает необходимость в интерпретации найденных языковых закономерностей, а также в их объяснении в рамках более широкого социального контекста. (Baker & McEnery 2015a: 2.)

Сочетание корпусной лингвистики и КДА, по мнению ряда учёных, имеет ряд преимуществ. Так, например А. Партингтон (Partington 2015: 242) называет такой подход «революционным в отношении изучения и представления репрезентаций в рамках дискурс-анализа». Действительно, тщательный анализ частотности лексических единиц в окружении какого-то определённого слова, обозначающего какое-либо явление, позволяет, например обнаружить как преобладающие, укрепившиеся идеи и мнения вокруг этого явления, так и менее популярные (Baker et al. 2013: 25–26). Сочетание корпусной лингвистики и КДА также позволяет анализировать большое количество материала, что повышает надёжность таких исследований (Baker et al. 2013: 25). К тому же данный подход накладывает некоторые ограничения на влияние, например ценностей и убеждений исследователя на результат исследования. Так, формирование корпуса из сотен газетных статей подразумевает, что исследователь не будет отбирать из этого множества определённые статьи для своего анализа. Также убеждения исследователя не смогут повлиять на получение в результате из корпуса каких-либо языковых закономерностей, а также исключений из них. (Baker 2006: 10–12.) Однако, согласно П. Бейкеру (Baker 2006 там же), влияние исследователя на результаты всё же трудно полностью ограничить, поскольку есть вероятность, что исследователь может какие-то закономерности интерпретировать, а о каких-то умалчивать. Некоторая субъективность в толковании результатов исследователем может быть также обусловлена недостатком самого КДА, который, по мнению Э. В. Будаева (2019: 11), проявляется в излишне критичном подходе к интерпретации дискурса СМИ.

Методом корпусной лингвистики, который мы используем в нашем исследовании, является анализ коллокаций (collocations). Если слово регулярно появляется в сочетании с другим словом и это отношение является в некоторой степени статистически значимым, такую связку называют коллокацией (Baker 2006: 95–96). Таким образом, коллокациями в корпусной лингвистике называют статистически устойчивые словосочетания (Захаров & Хохлова 2010: 137–138). Слова-члены коллокации определяются как аргумент (node) – опорное слово и коллокат (collocate) – второе слово (Хохлова 2010; Stubbs 2002: 29).

Согласно Дж. Синклеру (Sinclair цит. по Fairclough 1995: 102), анализ коллокаций является «способом объединения анализа дискурсов с лингвистическим анализом текстов». Как считает Н. Фэркло (Fairclough 1995:

102), коллокационные отношения во фразах и предложениях могут быть показателем очертаний дискурсов. По мнению П. Бейкера (Baker 2006: 13), ассоциация между двумя словами, неоднократно возникающая в естественном языке, является лучшим свидетельством господствующего дискурса, чем отдельно взятое слово. Коллокации представляют большой интерес с точки зрения идеологического использования языка, поскольку если два слова постоянно ассоциируются друг с другом, это отношение превращается в нечто конкретное и бесспорное (Stubbs цит. по Baker & McEnery 2015b: 2), происходит «насаждение фраз» (Stubbs 2002: 149).

В нашей работе мы применяем анализ коллокаций леммы *Крым* для выявления дискурсов и репрезентаций, связанных с Крымом и его присоединением к РФ, в текстах «Известий» и «Новой газеты».

2.5 Риторический анализ

Как нами отмечалось в предыдущих главах, дискурсы и репрезентации служат способом конструирования определённого представления о реальности. В связи с этим нам кажется важным обратить внимание на то, как выявленные нами дискурсы были построены с точки зрения способов убеждения читателя в справедливости того или иного представления о реальности. По этой причине коллокации и их ближайшее окружение (одно или несколько предложений), выявленные нами в рамках анализа коллокаций, будут проанализированы с точки зрения риторических приёмов.

Согласно А. А. Ивину (Ивин 2016: 7, 17), под риторикой можно понимать, с одной стороны, лингвистическую дисциплину, изучающую языковые выразительные средства. В этом случае риторика – это раздел лингвистики, который изучает «интенциональную, направленную на слушателя речь» (пробуждение различных чувств у аудитории). В этом контексте речь идёт о лингвистической риторике. С другой стороны, риторикой называют теорию аргументации, то есть исследование техники убеждения. В этом случае подразумевается классическая риторика, которая не имеет отношения к лингвистической. (Там же.) В нашем исследовании мы обращаем внимание на оба этих подхода. Нас интересуют языковые выразительные средства, а также построение аргументации в рамках анализируемых нами коллокаций. Опишем далее некоторые риторические приёмы, актуальные для нашей работы.

В рамках лингвистической риторики риторические приёмы можно, очевидно, рассматривать на разных уровнях языка. Так, К. В. Никитина (2006) анализирует

такие приёмы на фонографическом, фонографическом, лексическом, грамматическом и текстовом уровнях газетного текста. Среди (фоно)графических приёмов К. В. Никитина (2006: 64–65) упоминает употребление пунктуационных знаков, в частности кавычек. Она пишет, что помимо своей нейтральной функции – передачи слов другого лица, кавычки могут нести такую функцию, как, например псевдономинация. Псевдономинация означает, что кавычки можно заменить выражением *так называемые*, т.е. по мнению автора текста «названные лица, предметы, явления, свойства вовсе не являются таковыми». (Никитина 2006: 64–65.) Примером псевдономинации может служить следующий:

- (1) Земляки сержанта, подозреваемого в убийстве армянской семьи в Гюмри, называют его исключительно положительным парнем и не верят в его «зверства» (Е. Ларина. «Это подстава!». На родине сержанта Пермякова не верят в его вину. АиФ, 16/01/2015).

Вместо «зверства» можно сказать *так называемые зверства*, т.е. выражается сомнение в том, что сержант совершил преступление.

Употребление той или иной оценочной лексики можно отнести к риторическим приёмам лексического уровня языка (Никитина 2006: 69). А. А. Данилова (2009: 57–58) описывает употребление этого приёма в сочетании с приёмом разделения мира на две полярные категории. Согласно А. А. Даниловой (там же), европейские и американские СМИ, повествуя о военной кампании НАТО 1999 года в Сербии, для описания категории «мы» (государства-союзники) использовали нейтральную и положительную лексику, в то время как действия «врагов» (стран-оппонентов стран категории «мы») описывались более эмоционально окрашенными словами или словами с отрицательными коннотациями.

С приёмом употребления оценочной лексики, на наш взгляд, связан приём выбора слова. Выбор слова обусловлен культурным контекстом и целями, для которых слово выбирается (Иссерс 2013: 92). С проблемой выбора слова связано явление замены одного слова другим, которое называют эвфемизмом (Иссерс 2013: 92). Эвфемизм – это «слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-то причинам неудобно или нежелательно произнести» (Сеничкина цит. по Иссерс 2013: 92). Данилова (2009: 77) описывает также явление, противоположное эвфемизмам, – дисфемизмы. Дисфемизмы представляют из себя «замену эмоционально и стилистически нейтрального слова более грубым, пренебрежительным» (Арапова цит. по Данилова 2009: 77).

Риторический вопрос является довольно распространённым риторическим приёмом на грамматическом уровне текста. Использование риторических вопросов позволяет присвоить читателю более активную роль в восприятии текста. (Никитина 2006: 95.) Согласно Е. Н. Басовской (2004: 58), создаётся

впечатление диалога, как будто бы журналист отвечает на вопрос аудитории. Чрезвычайно распространены в газетных текстах риторические вопросы, которые задаются читателю не с целью получения ответа, а с целью констатации всем известной информации и передачи определённых эмоций (Никитина там же). Е. Н. Басовская (2004: 62) отмечает, что в российских газетных текстах риторические вопросы передают только негативные эмоции: возмущение, негодование, иронию.

Теперь рассмотрим некоторые риторические приёмы в рамках теории аргументации. А. Йокинен (Jokinen 2016: 344) рассматривает риторические приёмы с точки зрения эффективности аргументации и разделяет их на две группы: сфокусированные на ораторе/говорящем и относящиеся к представленным аргументам. К первой группе А. Йокинен (Jokinen 2016: 346–347) относит, например авторитет категории говорящего. Примером данного риторического приёма может служить речь профессора по поводу того или иного научного вопроса. Влияние аргументов такого оратора на публику будет, как правило, сильным. Однако авторитет категории говорящего не является постоянным, а зависит от культурного и ситуационного контекста.

Ещё один риторический приём, относящийся к первой группе, – подтверждение аргумента с помощью консенсуса или высказывания авторитета. Данный приём заключается в том, что аргумент говорящего можно укрепить, предъявив какое-либо утверждение в качестве признанного другими. В этом случае аргумент не будет казаться всего лишь личным мнением говорящего. (Jokinen 2016: 350.) Одним из способов предъявления аргумента является прямое цитирование чьего-либо высказывания. Таким образом создаётся эффект того, что мнение говорящего по какому-либо вопросу не единственное. (Wooffit цит. по Jokinen 2016: 350) Данный риторический приём особенно эффективен, когда приводимый аргумент относится к высказываниям авторитета. Такими аргументами часто выступают результаты исследований или суждения признанных авторитетов. (Jokinen 2016: 350–351.) Разновидностью данного приёма является ссылка на социальный авторитет, когда говорящий указывает, что **многие** люди (но не обязательно известные и авторитетные) имеют такое же мнение, что и говорящий (Балахонская & Сергеева 2017: 56).

Среди риторических приёмов второй группы, то есть относящихся непосредственно к представленным аргументам, упоминается метафора. С риторической точки зрения, особенностью метафор является то, что они эффективно передают необходимые говорящему смыслы, и говорящему не нужно прибегать к сложной аргументации. (Jokinen 2016: 360–361.) Действие метафоры связано с ассоциативным мышлением воспринимающего текст, поэтому при её

восприятии происходит экономия интеллектуальных усилий. В СМИ метафоры часто используются в рамках культурно-психологической дихотомии «добро» – «зло», которая является основой оппозиции «мы» – «враги». (Данилова 2006: 109, 112.)

Отметим ещё один приём, не вошедший в ранее упомянутые классификации, – введение исторических параллелей, который описывается А. А. Даниловой (2009: 87) как приём языкового манипуляционного воздействия. Смысл данного приёма заключается в введении значимых явлений истории или имён исторических деятелей в текст о каком-либо событии. При этом используется «внешняя схожесть двух сравниваемых объектов или даже схожесть одного показателя [...], чтобы подменить одно явление другим».

Таким образом, проведение риторического анализа коллокаций и их окружения станет дополнительной целью нашей работы.

3. Газеты «Известия» и «Новая газета» в современном российском журналистском дискурсе

Поскольку присоединение Крыма к РФ является политическим событием и мы анализируем его репрезентации в контексте СМИ, нам кажется целесообразным в начале данной главы определить политический дискурс СМИ. Так, под политическим дискурсом СМИ можно понимать

сложное коммуникативное явление, имеющее своей целью борьбу за власть посредством формирования общественного мнения, включающее текст как вербализованный результат речи, контекст – ситуативный и социокультурный, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса (Никитина цит. по Амиров 2012: 66).

Э. В. Чепкина (2012: 72–73, 76) отмечает, что «речь о политике в журналистском дискурсе всегда вписана в идеологический контекст в целом», а «СМИ, контролируемые государственной властью, уделяют преимущественное внимание задачам легитимации этой власти».

Однако, как отмечает Н. Фэркло (Fairclough 1995: 183), отношения между политическим и журналистским дискурсами сложные, напряжённые и противоречивые. Одной из причин такого напряжения является то, что в политическом дискурсе СМИ традиционные жанры политического дискурса представлены в контексте жанров дискурса СМИ (Fairclough 1995: 188). И если принять во внимание, что «журналистский дискурс имеет собственную логику отбора и интерпретации событий и персонажей», а также «конструирования

концептов», «логика самого политического поля может существенно трансформироваться в контексте дискурса СМИ» (Чепкина 2012: 73.) Политическое поле может изменяться в контексте СМИ, например из-за того, что они отбирают события, выбирают и представляют политических персонажей зачастую с точки зрения сенсационности. Часто новости о событиях подаются вне связи с причинами и следствиями этих событий, поскольку глубокий анализ проблемы отнимает много сил у журналиста и не вызывает интереса у широкой аудитории. Следствием всего этого является чрезмерная упрощённость, скандальность, драматизм в освещении политических событий, а также отсутствие внимания к действительно важным событиям и проблемам. (Чепкина 2012: 73–74, 77.)

Трансформация политического дискурса в контексте СМИ также может быть обусловлена таким фактором, как аудитория. Согласно концепции удовлетворения потребностей аудитории Б. Берельсона (цит. по Науменко 2005: 23–24), информационное наполнение СМИ в некоторой степени зависит от потребностей, ожиданий аудитории. По Берельсону (там же), с одной стороны, чтобы удовлетворять запросы аудитории, СМИ занимаются её исследованием, а затем формируют своё содержание в соответствии с преобладающим мнением читателей или зрителей. С другой стороны, аудитория может выбирать СМИ в соответствии со своей точкой зрения, и такие СМИ работают для «своей» аудитории.

Несмотря на трансформации политического дискурса в контексте СМИ, политический дискурс СМИ можно, очевидно, в целом рассматривать в тесной связи с идеологией. Так, Н. И. Клушина (2010: 25–27) пишет, что изменение идеологической модели в государстве влечёт за собой смену журналистского дискурса. Автор характеризует журналистские дискурсы, появлявшиеся и сменявшие друг друга в Советском Союзе / России в конце XX – начале XXI веков, как советский (тоталитарный), перестроечный (полиидеологический) и постперестроечный, или новейший (моноидеологический). Новейший журналистский дискурс, существующий в современных условиях государственного капитализма, является моноидеологическим, поскольку направлен на формирование единой идеологии в медиапространстве. Моноидеологический дискурс, к которому относятся «Известия», «Российская газета» и пр., по мнению Н. И. Клушиной (2010: 27–28), объединяет общество и способствует его развитию. Однако такой дискурс позволяет существовать и другим мнениям. Так, в так называемых моноидеологических изданиях появляются статьи, которые комментируют важные политические события и выявляют социальные проблемы, выражая альтернативное мнение.

Моноидеологический дискурс также допускает существование изданий, в которых чётко представлено оппозиционное политическое мнение («Новая газета», «Завтра» и пр.). (Клушина там же.)

Как отмечает Н. И. Клушина (2010: 25), для журналистского дискурса определённой эпохи характерны собственные идейные установки, стилистическая тональность, тип авторства, тип адресата и т. д. Характеристикой новейшего моноидеологического дискурса является представленность мнения адресата. Такую особенность дискурса СМИ, названную Б. Берельсоном концепцией удовлетворения потребностей аудитории (цит. по Науменко 2005: 23–24), мы отмечали в главе 3. Адресат может выступать «объектом воздействия», но может стать также «субъектом коммуникации» и «рефреймировать предложенное ему идеологическое послание» при помощи чатов и интернет-форумов. Этот факт «вынуждает адресанта-журналиста вырабатывать особую стилистику подачи идеологической информации» и уважительно относиться к своему читателю. (Клушина 2010: 28.) Как отмечает С. В. Ляпун (2012: 797), адресованность ярко выражена в изданиях, имеющих политическую ориентацию. Основными политическими направлениями, присущими российским периодическим изданиям, исследователь называет власть, демократическую оппозицию и прокоммунистическую оппозицию. Если аудиторией прокоммунистических оппозиционных изданий является «простой человек», то пресса демократической оппозиции ориентирована на «интеллигентное меньшинство». При этом издания с разной политической ориентацией отличаются не только по типу адресата, но и по языку и стилю.

Теперь рассмотрим издания «Известия» и «Новая газета» как часть моноидеологического журналистского дискурса. Общенациональная российская общественно-политическая и деловая газета «Известия» была учреждена в 1917 году (РИА Новости 2012). «Известия» – это частное качественное СМИ, одно из ведущих СМИ России (Амиров 2014: 53). Газета занимается освещением российских и зарубежных событий, снабжает читателей аналитикой и комментариями вопросов в сфере политики, бизнеса, экономики, культуры и спорта (РИА Новости 2012). Издание является частью холдинга «Национальная Медиа Группа». «Национальная Медиа Группа» – крупнейший частный российский медиахолдинг. Помимо прочего, холдинг владеет акциями нескольких федеральных телеканалов (Первый, РЕН ТВ, СТС и т. д.) и многих спутниковых телеканалов (Discovery, Sony Channel, Animal Planet и т. д.). (НМГ 2019а.) Газета «Известия» выходит как в печатном, так и в электронном виде пять раз в неделю с понедельника по пятницу. Тираж газеты в России – около 146 тыс. экземпляров, в Москве – около 32 тыс., в странах СНГ – 28 тыс. экземпляров. (РИА Новости

2012.) В 2016 году газета заняла второе место в рейтинге цитируемости газет, а число посетителей интернет-сайта iz.ru в то же время достигло 540 тыс. в сутки (НМГ 2019б).

Большую часть аудитории «Известий» составляют люди с высоким и средним уровнем образования, средним и высоким уровнем дохода, профессионалы и руководители (NRS 2016: 5–10). Газета представляет из себя СМИ, относящиеся к мейнстриму. В российском медиапространстве такие издания характеризуются лояльностью, наряду с выборочной критикой, в отношении правящих элит. Влияние правящих элит на содержание публикаций газеты считается средним, охват аудитории также средний. (Bodrunova & Litvinenko; Kiriya цит. по Smolyarova 2018.)

Российская общественно-политическая газета «Новая газета» – наиболее популярный представитель российской оппозиционной демократической прессы как в России, так и за рубежом (Ляпун 2012: 797). Н. И. Клушина (2010: 27) даёт положительную оценку работы оппозиционной прессы России, замечая, что, занимаясь «разумной критикой правящей элиты», коммунистические и демократические оппозиционные издания выявляют «зоны социального напряжения» и «дают альтернативную оценку событиям». «Новая газета» публикует материалы о проблемах внешней и внутренней политики, а также обращает внимание читателей на такие российские проблемы, как коррупция чиновников, ущемление прав и свобод граждан, развал экономики и пр. При этом освещение любых проблем «Новой газетой» основано на критике существующей власти. (Ляпун 2012: 798–799.) Издание известно своими скандальными журналистскими расследованиями (РИА Новости 2018). Влияние правящих элит на содержание материалов газеты можно обозначить как низкое (Bodrunova & Litvinenko; Kiriya цит. по Smolyarova 2018). Слова-концепты, которые используются этим изданием и в публицистическом дискурсе демократов, – *свобода, демократия, права человека, достоинство, свобода слова, независимая пресса, гласность, либеральная экономика*. В газете, как правило, даётся негативная оценка *вертикали власти*, поскольку демократы негативно относятся к монополии на власть. (Ляпун 2012: 797–798.)

Редакция газеты управляется некоммерческой организацией «Редакционно-издательский дом «Новая газета», в правление которой входит М. Горбачёв. Издание большей частью существует на пожертвования от физических лиц. (РБК 2017.) В 2018 году газета открыла сбор пожертвований среди читателей на свою работу, объясняя это нехваткой средств (РИА Новости 2018).

«Новая газета» издаётся с 1993 года. Издание выходит три раза в неделю: в понедельник, среду и пятницу. Тираж газеты – около 187 тыс. экземпляров.

Существует также интернет-версия газеты. В октябре 2017 года было зафиксировано 11,5 млн посетителей сайта Novayagazeta.ru. (РБК 2017), т.е. около 380 тыс. в сутки.

Описывая особенности «Новой газеты», С. В. Ляпун (2012: 797–798) отмечает, что «в основе издательской политики этой газеты лежит принципиальная ориентация на «своего» читателя, концептуальная система которого основывается на демократических ценностях», на «интеллигентное меньшинство». Таким образом, можно сказать, что газета охватывает маргинальную группу читателей (Bodrunova & Litvinenko; Kiriya цит. по Smolyarova 2018).

Таким образом, в функционирование «Известий» и «Новой газеты» наблюдается некоторое сходство, например у них сходные тиражи, территориальное распространение, тематика, уровень образования читателей. Различиями между изданиями являются периодичность, источники финансирования и отношение к официальной политике, проводимой государством. Последний фактор является определяющим в нашем исследовании. Мы ожидаем, что репрезентации, транслированные каждой из газет в контексте присоединения Крыма, могут отличаться друг от друга. Как было упомянуто нами в главе 2.1, в рамках идей Н. Фэркло (Fairclough 2001: 75–76) мы относим репрезентации «Известий» к доминирующему, а репрезентации «Новой газеты» – к подавляемому дискурсу. Наша идея основана на отношении данных изданий к политике правящих элит, а также на том, что количество политических СМИ, поддерживающих правящие элиты, значительно превосходит количество их критикующих (Bodrunova & Litvinenko; Kiriya цит. по Smolyarova 2018). Тем не менее, исходя из идей трансформации политического поля в дискурсе СМИ, указанных ранее в этой главе, мы не ожидаем обнаружить, что одно из анализируемых нами изданий будет всегда поддерживать официальную российскую политическую линию, а другое – всегда критиковать эту линию. Как пишет П. Бейкер (Baker 2006: 72–73), определённое издание СМИ не всегда является проводником одной неизменяющейся идеологии. Особенно это характерно для газет, старающихся освещать события «сбалансированно».

4. Присоединение Крыма в СМИ. Предыдущие исследования

Найденные нами предыдущие исследования текстов СМИ о присоединении Крыма представляли из себя анализ репрезентаций России, Крыма, референдума в Крыму, а также анализ мнений и аргументации в поддержку того или иного

мнения о крымских событиях. Так, исследование А. М. Демильхановой и О. Г. Денисовой (2016) было посвящено анализу статей о присоединении Крыма из русскоязычной, украиноязычной и англоязычной версий Wikipedia, появившихся в 2014 и 2015 году. Дискурс-анализ статей показал, что каждая версия сайта представила свою репрезентацию России как участника крымских событий, при этом репрезентации англоязычной и украиноязычной версий совпадали. Так, на русскоязычном сайте Wikipedia Российская Федерация была представлена в качестве «помощника в процессе добровольного присоединения Крымского полуострова к РФ», «спасителя» и «защитника слабых», в то время как в англоязычной и украиноязычной Wikipedia Россия предстала в образе «агрессивного захватчика чужих территорий», «нарушителя границ суверенного государства и международного права, пытающегося обелить свой образ». (Демильханова & Денисова 2016: 90.) Статья в англоязычной Wikipedia выражала более разнообразные мнения о присоединении Крыма, в то время как мнения, выраженные украиноязычной и русскоязычной версиями сайта, были однополярными и противоположными (Демильханова & Денисова 2016: 92.)

Анализ статей о присоединении Крыма некоторых российских, американских и немецких СМИ, проведённый В. М. Амировым (2014: 52–54), показал, что российские и американские газеты демонстрировали абсолютно противоположные непримиримые позиции. В то же время мнение некоторых немецких газет, в целом осуждающее присоединение, было более сбалансированным. Основными аргументами, которыми пользовались выбранные для исследования «Известия» (частное качественное издание), «Российская газета» (официальная газета правительства РФ) и «Комсомольская правда» (таблоид) для выражения поддержки действий России, были следующие: исторический (Крым был передан Украине в Советское время с нарушением правовых норм), патерналистский (Россия вмешалась, потому что проживание русскоязычных в Крыму стало небезопасным), демократический (итоги референдума показали, что так решил народ) и военный (Крым – важная военно-стратегическая территория для России, которая обеспечивает безопасность одной из границ страны). Американские качественные издания «Вашингтон пост» (Washington Post) и «Национальный интерес» (The National Interest), а также немецкие качественные издания «Зюддойче цайтунг» (Süddeutsche Zeitung) и «Ди Вельт» (Die Welt) указывали на юридический (присоединяя Крым, Россия нарушает договоры о границах), антидемократический (Россия препятствует силой развитию украинской демократии) и европейский (Россия подавляет европейское развитие Украины) аргументы. Аргументы, приводимые в рассматриваемых российских СМИ, совпадали с аргументами, использованными

В. В. Путиным в своих официальных речах. Такая же ситуация наблюдалась относительно аргументов американских СМИ и официальных выступлений Б. Обамы. В своей статье В. М. Амиров (2014: 55) приходит к выводу, что ведущие СМИ России и США не дают объективного освещения событий, а основывают свою работу на политической позиции правительств, т.е. такие медиасистемы можно охарактеризовать как пропагандистские, а не как открытые.

В исследовании освещения российскими и американскими ведущими СМИ референдума в Крыму 16 марта 2014 года и интерпретации его итогов Е. С. Голоусова и В. М. Амиров (2016: 56–57) указывают на те же самые аргументы, упомянутые в более раннем исследовании В. М. Амирова (2014) (см. выше). Однако авторы добавляют к пророссийским аргументам культурный (крепкие культурные связи между Россией и Крымом). Проведённый исследователями контент-анализ показал, что с одной стороны, российские («Аргументы и факты», «Российская газета», «Известия» и «Литературная газета») и американские издания (Los Angeles Times, The New York Times, The Washington Post, Forbes и USA Today) безусловно следовали официальной позиции своих правительств относительно крымского референдума. Однако с обеих сторон были найдены статьи, предлагавшие и нейтральную точку зрения. (Голоусова & Амиров 2016: 58.)

В ещё одном исследовании, посвящённом референдуму в Крыму, И. А. Серёгиной и А. П. Чудиновым (2014) рассматриваются метафорические модели, которые формировали презентации референдума в российском и крымском журналистском и политическом дискурсах. Согласно И. А. Серёгиной и А. П. Чудинову (2014: 90–92), в текстах российских (например газет «Аргументы и факты» и «Российская газета») и крымских СМИ, а также в рекламных материалах сторонников присоединения Крыма к России преобладали домашняя (от лат. *domus*, *domesticus* – дом, домашний) и годовичная (от др.-греч. *godos* – путь, дорога) метафоры, объединённые слоганом «16 марта – домой – в Россию!». Согласно домашней модели, Крым и Севастополь изображались как странники, которые «после долгих скитаний возвращаются в родные места». Такая метафора создавала основу для аргумента в пользу пророссийской позиции, который заключался в «идеологической, исторической и эмоциональной близости народов Крыма и России». Годовичная метафора, тесно связанная с домашней, описывала присоединение Крыма как «путь, дорогу из негостеприимной чужбины в родные края». Употребление годовичной метафоры также было выявлено и в текстах сторонников Крыма в составе Украины, найденных в Интернете. Так, их слоган «Коль заела ностальгия – чемодан, вокзал, Россия» предлагает всем жителям Крыма, желающим

воссоединиться с Россией, переехать на её территорию. Поскольку употребление domestic и годической метафор для подкрепления пророссийской позиции проиллюстрировано И. А. Серёгиной и А. П. Чудиновым (там же) не только текстами российских СМИ, но и текстами официальных выступлений В. В. Путина, можно, очевидно, подтвердить наблюдение В. М. Амирова (2014) о сильном влиянии господствующего политического режима на характер освещения событий СМИ.

Таким образом, описанные выше исследования анализировали тексты российских и зарубежных СМИ. При этом исследуемые российские издания относились к СМИ одной политической направленности. В нашей работе мы концентрируемся на анализе российских СМИ разной политической направленности. Принимая во внимание вышеуказанные исследования, в рамках нашей работы представляется интересным сравнить, совпадают ли репрезентации присоединения Крыма оппозиционной «Новой газеты» с репрезентациями зарубежных СМИ.

5. Материал и методы исследования

5.1 Материал

Материал для данного исследования был собран из информационного сервиса Интегрум. Интегрум – база, включающая в себя документы из более чем 400000 российских авторитетных источников информации: печатных и телевизионных СМИ, интернет-изданий и радиотрансляций. База пополняется ежедневно. Интегрум можно считать крупнейшей «электронной коллекцией информации о России и самым полным корпусом русского языка» (Интегрум б.г.) Архив Интегрума содержит все выпуски «Известий», начиная с 2003 года, и «Новой газеты» – начиная с 1997 года.

Собранный материал состоял из двух корпусов статей: корпуса «Известия» и корпуса «Новая газета». Материал был ограничен временными рамками с 21 февраля по 28 марта 2014 года, в соответствии с периодизацией событий «Крымской весны», описанной Е. Шевалье (2015). Таким образом, статьи, составившие материал нашего исследования, выходили в течение примерно одного месяца. Хотя хронологию Е. Шевалье (2015) можно рассматривать как одну из возможных интерпретаций происходившего в Крыму, нас заинтересовали именно чёткие временные рамки, обозначенные автором, поэтому мы выбрали эту

хронику событий в качестве подходящего временного критерия при отборе материала нашего исследования.

Применённый в Интегруме поисковый запрос *крым** позволил охватить все статьи, в которых могли встречаться словоформы, однокоренные с существительным *Крым*. Нас не смущало то, что не все найденные статьи могли непосредственно относиться к теме присоединения Крыма, поскольку нас также могло заинтересовать, какие образы создавали выбранные нами издания в отношении Крыма за рамками темы присоединения к России именно в период «Крымской весны». Тем не менее всё содержимое корпусов мы в дальнейшем будем условно считать относящимся к теме присоединения.

Полученные корпусы газетных текстов были нами несколько обработаны – мы удалили метайнформацию к каждой статье, которая была указана в Интегруме и автоматически сохранилась в нашем материале. Эта информация содержала данные об источнике: название газеты, название рубрики, фамилию автора, дату выпуска, заглавие статьи (выходило так, что заглавие дублировалось в начале статьи и часто было указано ещё раз в конце статьи, поэтому мы оставили только одно заглавие к каждой статье). Поскольку собранный материал подвергался машинной обработке, такая метайнформация могла исказить результаты нашего исследования.

Корпус «Известия» состоял из 246 статей, корпус «Новая газета» – из 122 статей. Статьи, вошедшие в корпусы, представляли из себя новости, репортажи, интервью, аналитические статьи, комментарии. Таким образом, материал корпуса составляли тексты, написанные не только журналистами, но и экспертами в области политики и экономики, писателями, философами. Такой подход, на наш взгляд, является преимуществом для нашего исследования, поскольку нас интересуют репрезентации, построенные газетами в целом, а не в статьях определённых жанров.

Размер корпуса «Известия» составил 162 779 слов, размер корпуса «Новая газета» – 115 194 слова. Однако, рассчитывая степень представленности того или иного слова в корпусе, мы принимали во внимание общее количество токенов в корпусах. Токен – наименьшая единица корпуса, представляющая из себя словоформу или пунктуационный знак. Поэтому количество токенов в корпусе обычно превышает количество слов. (Sketch Engine б.г.). Так, корпус «Известия» содержал 201 447 токенов, а корпус «Новая газета» – 145 667 токенов.

5.2 Методы

В данном исследовании мы сочетаем метод корпусной лингвистики – анализ коллокаций – и КДА для определения дискурсов и репрезентаций. Риторический анализ является второстепенным методом нашего исследования, призванным выявить приёмы воздействия на читателя и построения аргументации в рамках выявленных нами коллокаций и их окружения.

Дизайн нашего исследования некоторым образом заимствован из исследования П. Бейкером и др. (Baker et al. 2013) репрезентации ислама в британской прессе. Одной из целей исследования П. Бейкера и др. (Baker et al. 2013: 35) был вопрос о том, как мусульмане и ислам представлены в британской прессе. Ответ на этот вопрос исследователи получили, используя наряду с другими методами анализ коллокаций лемм *Muslim*, *Muslims*, *Islamic* и *Islam*. В нашей работе мы применяем анализ коллокаций леммы *Крым* для исследования репрезентаций Крыма и связанных с ним событий «Крымской весны» в текстах «Известий» и «Новой газеты». Сравнительный подход к анализу коллокаций одного и того же слова в двух корпусах кажется нам целесообразным, поскольку, например А. Партингтон (Partington 2015: 225–226) утверждает, что анализ дискурса должен быть по возможности сравнительным, т.к. черты одного дискурса невозможно оценить или даже заметить без сравнения с другими дискурсами.

Для анализа коллокаций в нашем исследовании мы используем Sketch Engine – корпусный менеджер, работающий в режиме онлайн. Данная программа позволяет обрабатывать большие текстовые файлы, и в неё можно загружать свои собственные корпуса. Наш выбор Sketch Engine был, с одной стороны, обусловлен тем, что данный корпусный менеджер использовался в исследовании П. Бейкера и др. (Baker et al. 2013: 35). С другой стороны, русский язык является одним из языков, включённых в Sketch Engine, т.е. такие функции программы, как определение и анализ коллокаций, синонимов и антонимов, ключевых слов и пр., доступны и для русского языка. Преимуществом Sketch Engine является то, что даже пользователи, не имеющие технических знаний, могут создавать и анализировать свои собственные корпуса при помощи возможностей программы. (Sketch Engine б.г.).

Одна из функций Sketch Engine, называемая Word Sketch, определяет коллокаты заданных слов и вычисляет, насколько эта встречаемость статистически значима (Baker et al. 2013: 37). Как пишут В. П. Захаров и М. В. Хохлова (2010: 141), особенностью Sketch Engine является то, что в данной программе используются не только статистические методы, но и «методы,

основывающиеся на собственно лингвистических моделях». Выдаваемые функцией Word Sketch коллокации для заданной словоформы или леммы представляют из себя типичные словосочетания с этой словоформой или леммой в данном корпусе. Такие словосочетания подсчитываются с учётом синтаксиса, т.е. с учётом накладываемых им «ограничений на сочетаемость слов в заданном языке», а также с учётом «вероятностных закономерностей», которые «связаны с семантикой и языковым узусом». (Захаров & М. В. Хохлова там же.) Результатом такого похода к выявлению коллокаций является то, что, во-первых, коллокаты, имеющие одинаковые грамматические отношения с аргументом (в нашем случае словом *Крым*), автоматически помещаются в одну группу (Baker et al. 2013: 37). Во-вторых, внутри грамматических групп коллокаты могут группироваться по семантическим признакам.

Параметрами анализа коллокаций являются интервал и статистическая мера. Интервал – это расстояние между аргументом и коллокатом. В нашем исследовании был применён интервал в три слова как слева, так и справа от аргумента. Такой интервал задаётся анализатором Sketch Engine по умолчанию в начале анализа. В результате мы получили разнообразные коллокации, количество которых в то же время было не слишком большим для данного исследования. Статистические меры или «меры ассоциации» вычисляют «силу связи между элементами в составе коллокации» (Захаров & Хохлова 2010: 138). В данном исследовании мы пользовались такой статистической мерой, как logDice. Эта мера автоматически применяется современной версией Sketch Engine для определения статистической значимости коллокаций (Sketch Engine 2015). logDice основывается на частотности встречаемости в корпусе как элементов определённой коллокации по отдельности, так и всей коллокации. При этом показатель logDice не зависит от размера корпуса. (SEG s. v. logDice). Чем выше значение показателя logDice, тем выше степень силы коллокации (SEG s. v. Collocation). Максимальное значение logDice равняется 14, однако обычно это значение не превышает 10 (Rychlý 2008: 9). Максимальное значение logDice коллокаций, полученных в результате нашего анализа, достигало 13,26, а минимальное значение равнялось 7,64.

В данном исследовании внутри корпуса «Известия» и «Новая газета» нами рассматривались пять групп коллокаций леммы *Крым*, образованные по следующим грамматическим моделям: $\{Крым\text{ и/или }x\} / \{x\text{ и/или }Крым\}$, $\{[существительное] + Крым\}$, $\{[глагол] + Крым\}$, $\{Крым + [глагол]\}$ и $\{[прилагательное] + Крым\}$. В грамматической модели $\{Крым\text{ и/или }x\} / \{x\text{ и/или }Крым\}$ в роли *x* выступает существительное. При помощи исследования вышеперечисленных групп коллокаций мы могли, с одной стороны, составить

представление об объектных и атрибутивных отношениях между аргументом и коллокатами и об аргументе как субъекте действия. С другой стороны, мы могли выявить семантическое предпочтение аргумента. Семантическое предпочтение (semantic preference) – это «отношения [...] между леммой или словоформой и рядом семантически родственных слов» (Stubbs цит. по Baker 2006: 86). Грамматический и семантический анализ самих коллокаций стал первым этапом нашего анализа. На данном этапе анализ можно охарактеризовать как первоначальный, без подробного рассмотрения контекста коллокаций. Однако в случае некоторых коллокаций, которые, на наш взгляд, требовали дополнительных пояснений, мы обращали внимание на их конкордансы. Конкорданс – это список полученных коллокаций и слов из их ближайшего контекста. В результате проведения первого этапа анализа мы смогли понять особенности употребления слова *Крым* в рассматриваемых корпусах, а также получить общее представление о темах, связанных с Крымом, о которых писали газеты.

Второй этап нашего анализа состоял в более детальном рассмотрении коллокаций внутри каждой грамматической группы, т.е. мы подробно анализировали конкордансы полученных коллокаций. Коллокации часто сочетались со словами и словосочетаниями, демонстрировавшими семантическое сходство и выражавшими оценку или мнение пишущего. Такие тенденции называют просодией дискурса. Просодия дискурса указывает на присутствие какого-то дискурса в корпусе. (Baker 2006: 87). Например, в исследовании П. Бейкера (Baker 2006: 74, 84–85, 87) конкордансов слов *refugee* и *refugees* в корпусе британских газет окружение этих слов указывало на то, что с одной стороны, беженцы описывались как жертвы, а с другой стороны, – как досаждающие преступники. Просодию дискурса, однако, часто трудно выявить из ближайшего контекста коллокаций. В таких случаях мы анализировали фрагмент статьи, в котором была употреблена коллокация, т.е. рассматривали более широкие контексты коллокаций. На втором этапе нашего анализа были выявлены первоначальные дискурсы – протодискурсы – внутри каждой из пяти грамматических групп как в корпусе «Известия», так и в корпусе «Новая газета».

На втором этапе нашего анализа выяснилось, что коллокации разных грамматических групп могли указывать на один и тот же протодискурс, поэтому на третьем этапе нашего исследования коллокации были перегруппированы по протодискурсам как в корпусе «Известия», так и в корпусе «Новая газета». Затем были окончательно выявлены дискурсы, а также проанализированы риторические приёмы и построение аргументации в рамках коллокаций и их окружения.

Поскольку объём нашей работы ограничен, далее мы приводим только результаты первого этапа анализа – коллокации без контекста (глава 6.1) – и третьего этапа анализа – дискурсы (глава 6.2). Подход к оформлению главы 6.2 был заимствован нами из дипломной работы К. Пирттикоски (Pirttikoski 2018: 3–4) о репрезентации развёртывания американских систем ПРО в текстах российских СМИ. В главе 6.3 представлены выводы из проделанного нами анализа.

В конце данной главы отметим некоторые недостатки нашего метода. Во-первых, поскольку поиск коллокаций осуществлялся по лемме *Крым*, в анализ не вошли случаи, когда авторы текстов использовали другие слова для обозначения Крыма: *он*, *полуостров*, *республика*, *автономия*, *Таврида* (античное название Крыма) и пр., например:

- (2) *Крым...* Почему *он* так дорог сердцу русского человека? (А. Проханов. Путину – орден Нахимова. Известия, 11/03/2014.)

Пример (2) демонстрирует явление анафоры. Анафорой называют

использование языковых выражений, которые могут быть проинтерпретированы лишь с учётом другого, как правило предыдущего, фрагмента текста (ЭК s. v. Анафора).

В примере (2) анафорическое местоимение *он* имеет одинаковый референт с антецедентом *Крым*, т.е. эти слова обозначают один и тот же объект (ЭК там же). К анафоре относят, помимо местоимений, и референтные именные группы (ЭК там же), как в нашем случае существительные *полуостров*, *республика*, *автономия*, *Таврида* и т.д. С одной стороны, анализатор Sketch Engine пока не может определять анафорические местоимения и референтные именные группы того или иного существительного при поиске его коллокаций. С другой стороны, поиск референтных именных групп, а также их коллокаций можно осуществлять вручную. Однако этого не было сделано в нашем исследовании по причине ограниченности его объёма. Отметим также, что возможно случаи, указанные в данном абзаце, не настолько важны для нашего исследования, поскольку нас интересовали словосочетания со словом *Крым*, которые могли формировать постоянные ассоциации с Крымом в рамках определённого контекста.

6. Результаты исследования

6.1 Коллокации

Поскольку корпуса «Известия» и «Новая газета» отличались по размеру в 1,4 раза («Известия» содержал 201 447 токенов, а корпус «Новая газета» – 145 667 токенов), мы обозначали частоту употребления коллокаций не только в абсолютных числах, но и относительных – i.p.m. (instances per million). Таким образом, для корректного сравнения частоты того или иного употребления по корпусам следует смотреть на показатель i.p.m. Количество лемм *Крым* в корпусе «Известия» равнялось 1300 (6453,31 i.p.m.), а количество лемм *Крым* в корпусе «Новая газета» равнялось 526 (3610,98 i.p.m.), т.е. количество употреблений этой леммы было больше 1,8 раза.

Таблица 1 показывает коллокаты аргумента *Крым* в коллокационной модели $\{Крым\ и/или\ x\} / \{x\ и/или\ Крым\}$. Аргумент *Крым* соединяется с коллокатами-существительными при помощи союзов *и/или*, а в некоторых случаях – запятой. Данная модель также подразумевает, что коллокаты могут предшествовать аргументу. Модель $\{Крым\ и/или\ x\} / \{x\ и/или\ Крым\}$ демонстрирует слова, с которыми ассоциируется слово *Крым* в текстах анализируемых газет.

Известия			Новая газета		
Лемма	Кол-во	LogDice	Лемма	Кол-во	LogDice
Севастополь	73 (362,38 i.p.m.)	13,26	Украина	6 (41,19 i.p.m.)	11,14
Россия	21 (104,25 i.p.m.)	11,3	Россия	4 (27,46 i.p.m.)	10,62
Украина	17 (84,39 i.p.m.)	11,21	Севастополь	3 (20,59 i.p.m.)	11,19
Восток	5 (24,82 i.p.m.)	9,69	РФ	2 (13,73 i.p.m.)	10,82
город	3 (14,89 i.p.m.)	9,2	Косово	2 (13,73 i.p.m.)	10,82

Таблица 1: Коллокаты леммы *Крым*. Модель $\{Крым\ и/или\ x\}$

Как показывает Таблица 1, *Крым* ассоциируется со словами, обозначающими географические понятия, большинство из которых представляют из себя географические названия. При этом в обоих корпусах используется несколько одинаковых коллокатов *Севастополь*, *Украина* и *Россия*, обозначающих непосредственных участников крымских событий. Количество коллокаций с

каждым их этих коллокатов намного больше в корпусе «Известия», чем в корпусе «Новая газета». В «Известиях» Крым ассоциируется с Севастополем намного чаще, чем с Россией и Украиной. В «Новой газете» Крым ассоциируется с Украиной так же часто, как с Россией (коллокаты Россия и РФ). В «Новой газете» Крым упоминается два раза вместе с Косово, а в «Известиях» аргумент употребляется несколько раз вместе с коллокатом *Восток*. Рассмотрение конкордансов коллокации *Крым и/или Восток* показало, что под Востоком подразумевается Восток Украины.

В группе коллокаций, образованной по модели $\{[существительное] + \text{Крыма}\}$, слово *Крым* выступает в синтаксической функции определения. В данной группе встречается довольно большое количество коллокаций. Полученные коллокаты были распределены Sketch Engine по группам в соответствии с семантическими признаками. Однако мы внесли в это распределение некоторые изменения и разбили содержимое на несколько семантических групп (Таблица 2, Таблица 3 и Таблица 4). Таким образом, мы надеялись более чётко обозначить семантическое предпочтение леммы *Крым*. В полученных семантических группах **название группы** выделено жирным шрифтом, а слова, входящие в группу, даны ниже её названия. Например, в корпусе «Известия» в семантическую группу **присоединение** входят леммы *воссоединение, вхождение, возвращение, передача и аннексия (Крыма)*. Лемма, обозначающая название семантической группы, – не обязательно самая частотная из лемм всей группы, но, на наш взгляд, она наиболее точно семантически объединяет все коллокаты, входящие в группу. Таблица 2 демонстрирует коллокаты, которые мы отнесли к семантической группе Присоединение и Отделение. Коллокаты группы Присоединение выражают, по нашему мнению, идею взаимодействия Крыма и России. Коллокаты группы Отделение – идею независимости Крыма от Украины.

Известия			Новая газета		
Лемма	Кол-во	LogDice	Лемма	Кол-во	LogDice
присоединение	42 (208,49 i.p.m.)	11,52	присоединение	32 (219,68 i.p.m.)	12,34
воссоединение	13 (64,53 i.p.m.)	9,93	аннексия	8 (54,92 i.p.m.)	10,54
вхождение	12 (59,57 i.p.m.)	9,8	вхождение	4 (27,46 i.p.m.)	9,58
возвращение	10 (49,64 i.p.m.)	9,57	воссоединение	3 (20,59 i.p.m.)	9,16

аннексия	3 (14,89 i.p.m.)	7,88	возвращение	2 (13,73 i.p.m.)	8,6
передача	3 (14,89 i.p.m.)	7,86	оккупация	2 (13,73 i.p.m.)	8,58
–	–	–	захват	2 (13,73 i.p.m.)	8,47
отделение	6 (29,78 i.p.m.)	8,8	отделение	–	–
самооборона	6 (29,78 i.p.m.)	8,87	самооборона	3 (20,59 i.p.m.)	9,17
автономия	4 (19,86 i.p.m.)	8,29	защитник	2 (13,73 i.p.m.)	8,58
–	–	–	защита	2 (13,73 i.p.m.)	8,37
–	–	–	предатель	2 (13,73 i.p.m.)	8,6

Таблица 2: Коллокаты леммы *Крым*. Модель {[существительное] + *Крыма*}. Группы *Присоединение* и *Отделение*

Как показывает Таблица 2, коллокация *присоединение Крыма* широко используется обеими газетами. Это происходит, возможно, потому, что словосочетание имеет нейтральное значение. На втором месте по количеству употреблений в «Известиях» находится коллокат *воссоединение* – слово, имеющее положительную коннотацию. Коннотация – «аффективное ассоциативное, оценочное, эмоциональное» значение слова (Stubbs 2002: 34). *Воссоединение* происходит от глагола *воссоединить*, т.е. «соединить, объединить вновь (обычно о народах, государствах и т.п., разделённых в силу каких-л. причин)» (БТСРЯ s.v. *Воссоединить*). Слово *воссоединение* может быть производным также от глагола *воссоединиться* (БТСРЯ s.v. *Воссоединение*). Другие слова, типичные для «Известий», имеют нейтральное значение – *вхождение* – и отчасти положительную коннотацию – *возвращение*. На втором месте в списке «Новой газеты» стоит слово *аннексия*, выражающее явно негативную оценку. «Новой газетой» также используются другие слова с отрицательной коннотацией: *оккупация* и *захват*. «Новой газетой» используются и слова, имеющие нейтральное или в некоторой степени положительное значение: *вхождение*, *воссоединение*, *возвращение*. Однако в целом можно сказать, что в «Новой газете» наблюдается тенденция к выражению негативного отношения в номинациях присоединения Крыма, в то время как в «Известиях» такой тенденции нет.

Таблица 2 также показывает коллокаты семантической группы *Отделение*. Данные коллокаты могут передавать, например, идею стремления Крыма к независимости от Украины, защиты Крымом своих интересов. На это явно

указывают коллокаты корпуса «Известий»: *отделение, самооборона, автономия* и рассмотрение их конкордансов. Контекст коллокации *самооборона Крыма* показал, что самооборона Крыма – это жители Крыма, не поддерживающие политику украинских (киевских) властей и пытающиеся защищать интересы полуострова, например: *именно с Севастополя началась организация самообороны Крыма; в разгар противостояния самообороны Крыма и новых властей Украины*. Хотя в корпусе «Новая газета» не обнаружены коллокаты *отделение Крыма*, в данном материале были найдены другие коллокации, на наш взгляд, указывающие на тему Отделение: *самооборона, защита, защитник и предатель*. Контекст коллокации *самооборона Крыма* показал, что «Новая газета» сомневалась в происхождении отрядов самообороны Крыма, указывала на их принадлежность к российской армии. Обе коллокации *защита Крыма* были использованы в контексте стихийной организации военной защиты полуострова некими российскими гражданами, например: *кто в Сибири собирает ополчение для «защиты Крыма»*. Таким образом, «Новая газета» могла показывать, что антиукраинские настроения в Крыму активно поддерживаются Россией. Коллокаты *защитник* и *предатель* большей частью использовались в контексте ситуации противостояния так называемых «предателей Крыма» и «защитников Крыма», притеснения первой группы второй группой. Газета писала, что в данной ситуации «защитниками Крыма» назывались местные жители, выступавшие против новых украинских властей, а «предателями» – сторонники новых украинских властей. Таким образом, контексты коллокаций группы Отделение уже на данном этапе нашего исследования демонстрировали разные точки зрения газет на события в Крыму.

Таблица 3 показывает коллокаты семантических групп Население и Власть. Данные коллокации также образованы по модели $\{[существительное] + \text{Крыма}\}$.

Известия			Новая газета		
Лемма	Кол-во	LogDice	Лемма	Кол-во	LogDice
население	17 (84,39 i.p.m.)	10,27	население	10 (68,65 i.p.m.)	10,76
житель	33 (163,81 i.p.m.)	11,02	житель	4 (27,46 i.p.m.)	11,54
народ	3 (14,89 i.p.m.)	7,84	человек	2 (13,73 i.p.m.)	8,44
власть	8 (39,71 i.p.m.)	9,14	власть	5 (34,32 i.p.m.)	9,72
совет	20 (99,28 i.p.m.)	10,16	совет	8 (54,92 i.p.m.)	10,15

парламент	7 (34,75 i.p.m.)	9,07	правительство	3 (20,59 i.p.m.)	9,06
госсовет	6 (29,78 i.p.m.)	8,87	министр	3 (20,59 i.p.m.)	8,87
руководство	6 (29,78 i.p.m.)	8,75	руководство	2 (13,73 i.p.m.)	8,42
вице-премьер	3 (14,89 i.p.m.)	7,88	–	–	–
премьер-министр	3 (14,89 i.p.m.)	7,84	–	–	–
конституция	3 (14,89 i.p.m.)	7,83	–	–	–
правительство	3 (14,89 i.p.m.)	7,8	–	–	–
депутат	3 (14,89 i.p.m.)	7,64	–	–	–

Таблица 3: Коллокаты леммы Крым. Модель {[существительное] + Крыма}. Группы Население и Власть

Как демонстрирует Таблица 3, в обоих корпусах встречаются коллокации, обозначающие население Крыма. Преобладание коллоката *житель* над коллокатами, являющимися собирательными существительными *население* и *народ*, в корпусе «Известия», возможно, означает, что газета стремилась ссылаться на проживающих в Крыму индивидуализированно. Целью такого подхода могло стать, например, стремление вызвать какие-либо чувства у читателя к проживающим в Крыму: поддержку, сочувствие и пр. Таблица 3 также демонстрирует, что обе газеты ссылались на власти Крыма. При этом коллокаты темы, найденные в корпусе «Известия», по разнообразию превышают количество коллокатов «Новой газеты». Коллокации группы Власть обеих газет часто употреблялись в контексте крымских февральских митингов, референдума о статусе Крыма и принятия решений о независимости Крыма и присоединения к России.

Далее рассмотрим коллокаты семантической группы Развитие и Территория (Таблица 4).

Известия			Новая газета		
Лемма	Кол-во	LogDice	Лемма	Кол-во	LogDice
развитие	3 (14,89 i.p.m.)	7,67	–	–	–

курорт	5 (24,82 i.p.m.)	8,61	–	–	–
инфраструктура	3 (14,89 i.p.m.)	7,87	–	–	–
берег	3 (14,89 i.p.m.)	7,87	–	–	–
предприятие	3 (14,89 i.p.m.)	7,86	–	–	–
территория	24 (119,14 i.p.m.)	10,5	территория	6 (41,19 i.p.m.)	9,91
статус	8 (39,71 i.p.m.)	9,18	предел	3 (20,59 i.p.m.)	12,50
судьба	7 (34,75 i.p.m.)	9,02	–	–	–
история	4 (19,86 i.p.m.)	8,22	–	–	–
город	4 (19,86 i.p.m.)	8,19	–	–	–
поддержка	4 (19,86 i.p.m.)	8,11	–	–	–
принадлежность	3 (14,89 i.p.m.)	7,88	–	–	–
проблема	3 (14,89 i.p.m.)	7,82	–	–	–

Таблица 4: Коллокаты леммы Крым. Модель {[существительное] + Крыма}. Группы Развитие и Территория

Как показывает Таблица 4, коллокации группы Развитие Крыма характерны для «Известий» и совсем не употребляются в корпусе «Новая газета». Газета «Известия» пишет о развитии *инфраструктуры* и *предприятий Крыма*, а также о развитии полуострова как *курорта*. Коллокация *берег Крыма* также относится к этой теме, например: *предприятию принадлежит 4,5 тыс. га виноградников на Южном берегу Крыма*. Контекст коллокаций указывал на то, что газета писала о развитии Крыма в составе России.

Что касается группы Территория, в обоих корпусах употребляется коллокат *территория Крыма* (Таблица 4). Коллокаты, найденные в материале «Известий», показывают, что газета довольно часто ссылается на *статус* и *судьбу* Крыма. Конкордансы данных коллокаций демонстрировали, что коллокат *статус* употреблялся в контексте референдума о статусе Крыма, в то время как *судьба* – в контексте обеспокоенности дальнейшей судьбой Крыма после произошедшей в феврале смены власти в Киеве. Найденные в корпусе «Известия» коллокации *история Крыма* употреблялись как непосредственно в связи с историей полуострова, так и в связи с тем, что присоединение Крыма войдёт в его

новейшую историю. Коллокации *поддержка Крыма* употребляются в контексте поддержки Крыма Россией, как экономической, так и самого факта присоединения полуострова к России. Контекст коллокаций *принадлежность Крыма* показывал, что газета писала об обозначении принадлежности Крыма на картах, в том числе в Интернете, после присоединения полуострова к России. Коллокация *проблема Крыма* употреблялась в контексте того, что в Крыму в составе Украины есть проблемы. Коллокации *города Крыма* относились к различным темам, например, митинги жителей городов Крыма против новой украинской власти в конце февраля и смена телефонных кодов городов полуострова после его присоединения к России. Что касается корпуса «Новой газеты», коллокации *предел Крыма* употреблялись в контексте вывода украинской армии с территории Крыма после его присоединения.

Таблица 5 демонстрирует коллокаты коллокационной модели $\{[глагол] + Крым\}$ и $\{[прилагательное] + Крым\}$. В первом случае слово *Крым* выступает в качестве объекта действия, а во втором – определяется каким-либо прилагательным.

Известия			Новая газета		
Лемма	Кол-во	LogDice	Лемма	Кол-во	LogDice
указывать	3 (14,89 i.p.m.)	10,8	присоединить	2 (9,61 i.p.m.)	11,35
защищать	3 (14,89 i.p.m.)	10,56	покидать	2 (9,61 i.p.m.)	10,82
–	–	–	принимать	2 (9,61 i.p.m.)	10,19
русский	6 (29,78 ipm)	9,78	–	–	–

Таблица 5: Коллокаты леммы *Крым*. Модели $\{[глагол] + Крым\}$ и $\{[прилагательное] + Крым\}$

Как показывает Таблица 5, мы получили небольшое количество коллокаций, образованных по обеим моделям. Каждому корпусу присущ свой набор коллокатов, и встречаемость интересующих нас коллокаций довольно низкая в обоих корпусах. Представленные глаголы-коллокаты, несомненно, нуждаются в рассмотрении в рамках контекста. Так, из конкордансов коллокации *указывать Крым* было видно, что «Известия» писали об обозначении государственной принадлежности Крыма на картах после его присоединения к России. Коллокации *защищать Крым* относились к теме деятельности самообороны Крыма. Эти темы бы уже нами выявлены ранее. Коллокации *покидать Крым* корпуса «Новая

газета» относились к теме вывода украинских войск из Крыма, о которой мы также уже писали. Коллокации *присоединить Крым* и *принимать Крым* употреблялись в контексте неодобрения действий России в отношении Крыма, например: *провёл и выиграл* [о В. В. Путине – АО] *Олимпийские игры, присоединил Крым* – *ликуйте!* Единственным коллокатом-прилагательным является *русский* в корпусе «Известия». Данное словоупотребление прямо указывает на позицию газеты относительно принадлежности Крыма.

Наконец, рассмотрим коллокаты коллокационной модели $\{Крым + [глагол]\}$. Как демонстрирует Таблица 6, в нашем материале лемма *Крым* довольно часто выступает в роли субъекта действия, т.е. в синтаксической функции подлежащего. В представленные результаты также попали несколько случаев употребления *Крым* в составе пассивных конструкций: *Крым был принят*, *Крым был присоединён* («Известия») и *Крым будет интегрирован* («Новая газета»). В таких случаях подлежащее *Крым* называет объект, а не субъект (Розенталь и др. 2010: 233). В группу коллокатов модели $\{Крым + [глагол]\}$ анализатор Sketch Engine также иногда включал коллокации, в которых *Крым* выступает в синтаксической функции обстоятельства и стоит перед сказуемым, например *в Крыму не было никакой стрельбы*. Такие случаи не были включены в наш анализ.

Известия			Новая газета		
Лемма	Кол-во	LogDice	Лемма	Кол-во	LogDice
быть	21 (104,25 i.p.m.)	9,92	быть	4 (27,46 i.p.m.)	8,24
мочь	12 (59,57 i.p.m.)	10,42	стать	2 (9,61 i.p.m.)	9,61
стать	6 (29,78 i.p.m.)	9,85	–	–	–
являться	5 (24,82 i.p.m.)	9,89	–	–	–
обладать	3 (14,89 i.p.m.)	9,43	–	–	–
входить	3 (14,89 i.p.m.)	9,39	–	–	–

Таблица 6: Коллокаты леммы *Крым*. Модель $\{Крым + [глагол]\}$

Как демонстрирует Таблица 6, глаголы-коллокаты, сочетающиеся со словом *Крым*, значительно разнообразнее в корпусе «Известия» и значительно чаще встречаются в этом корпусе, чем в корпусе «Новая газета». При сравнении полученных коллокатов моделей $\{[глагол] + Крым\}$ и $\{Крым + [глагол]\}$ (Таблица

5 и Таблица 6) видно, что в «Известиях» также больше ссылаются на Крым как на субъект действия, чем как на его объект. Из представленных данных, однако, трудно сделать более глубокие выводы о семантическом предпочтении аргумента *Крым* в составе коллокационной модели {*Крым* + [глагол]} без контекста. Рассмотрение конкордансов показало, что в материале «Известия» коллокаты данной модели встречались в основном в контексте того, что Крым станет частью России и будет развиваться как российская территория. В корпусе «Новая газета» коллокаты модели {*Крым* + [глагол]} также употреблялись в контексте, схожем с контекстом «Известий», однако «Новой газетой» выражались отрицательные оценки, например: *какие ещё санкции могут ждать Россию и почему **Крым** станет точкой отсчёта нового курса в российско-американских отношениях.*

Таким образом, в результате первоначального анализа коллокаций леммы *Крым* нами было выявлено, что «Известия» и «Новая газета» могли обращаться к одинаковым темам, контекстам, связанным с Крымом. Так, обе газеты писали о населении и властях Крыма, а также, конечно, о самом факте присоединения Крыма. Нами также были выявлены некоторые различия между корпусами. Так, в «Известиях» Крым ассоциировался чаще всего с Севастополем, а в «Новой газете» – с Украиной и Россией. В «Известиях» использовалась более нейтральная и положительная номинация присоединения Крыма, чем в «Новой газете». «Известия», по всей вероятности, намного больше писали о теме развития Крыма в составе России, чем «Новая газета». «Известия» называли Крым русским и обращали внимание, например, на проблему обозначения государственной принадлежности полуострова на картах после его присоединения. В «Известиях» Крыму приписывалась более активная роль, чем пассивная. Также «Известия» обращались к Крыму как к территории, чья судьба небезразлична для России.

На данном этапе исследования из контекста некоторых коллокаций были выявлены различия в оценках, которые давались газетами в рамках некоторых крымских событий. Например, такие оценки выражались относительно отрядов самообороны Крыма, а также действий России в отношении Крыма в целом. «Известия», очевидно, давали положительные оценки данным событиям, а «Новая газета» – отрицательные.

В следующих главах, где мы описываем выявленные дискурсы, многие из полученных коллокаций представлены в широком контексте. В примерах следующих глав *коллокации* выделены курсивом и жирным шрифтом.

6.2 Дискурсы

6.2.1 Историческое и культурное единство России и Крыма

Дискурс исторического и культурного единства России и Крыма выражает положительную оценку присоединения Крыма к России и является типичным для газеты «Известия».

Рассмотрим следующий пример:

- (3) Мы «похищаем» Крым – наш русский кусочек Европы – [...] у НАТО, которое [...] медленно, но неотвратимо приближалось к российским границам. [...] **Присоединение Крыма** – это не только *воссоединение русской нации*, но это ещё и *начало* геополитического *разделения* Европы. (Б. Межуев. Разделение цивилизаций? Известия, 19/03/2014.)

Пример (3) встретился в статье, автор которой рассматривает присоединение Крыма в рамках противостояния между Россией и Североатлантическими странами – участниками НАТО. Под словами *НАТО, которое [...] медленно, но неотвратимо приближалось к российским границам*, автор, как нам кажется, подразумевает, что новое украинское правительство, пришедшее к власти после Евромайдана, настроено проевропейски и может допустить приход армии НАТО на Украину и в Крым. Подход НАТО к российским границам рассматривается автором как угроза, поскольку он использует наречие с негативной коннотацией *неотвратимо*, т.е. неминуемо, неизбежно. В такой ситуации *мы* (Россия) «похищаем» Крым у НАТО. На наш взгляд, кавычки, в которые взято слово *похищаем*, несколько смягчают его основное значение *крадём* и передают значение *берём то, что принадлежит нам по праву*. Таким образом, Россия забирает Крым у НАТО, с одной стороны, чтобы обезопасить свои границы и возможно сохранить свои интересы в Крыму, а с другой стороны, потому что Крым принадлежит России. Принадлежность Крыма России передаётся через идею того, что Крым русский. Так, автором используется метафора *наш русский кусочек Европы*, а присоединение Крыма к России определяется как *воссоединение русской нации*. Данные утверждения, очевидно, основаны на том, что в Крыму живёт много русских, у Крыма и России есть общие исторические и культурные корни. Примечательно употребление в примере (3) антонимов *воссоединение* и *разделение*. *Воссоединение*, слово с положительной коннотацией, передаёт значение хорошего события для России и Крыма. Слово *разделение*, с несколько отрицательным оттенком значения, вместе со словом *начало* вероятно сообщают о наступлении негативного будущего для Европы: с переходом Крыма в состав России начнётся разделение Европы на зоны влияния мировых держав. Как отмечает Е. В. Покровская (2006: 85–86), целью использования антонимов журналистами является не только «отразить противоречия жизни, показать её во

взаимодействии противоположных начал», но и сделать содержание газетного текста более оценочным и прагматичным, т.е. повлиять на мнение аудитории.

Если в примере (3) образ русского Крыма рассматривается в контексте противостояния России и Запада, то в примере (4) этот образ подаётся как часть русской национальной идеи:

- (4) Неужели **русский Крым** снова с Россией? Об этом – в Сибири и на Дальнем Востоке, об этом – в *огромных* городах и *крохотных* деревеньках. *Все помышления, все молитвы – о Крыме*, являют собой *приметы таинственного русского возрождения, русской духовной весны*. (А. Проханов. Путину – орден Нахимова. Известия, 11/03/2019.)

В примере (4) идея того, что Крым русский, подчёркивается обильным употреблением прилагательного *русский*. Предложение *неужели русский Крым снова с Россией*, очевидно, обозначает идею возвращения русского Крыма в состав России. Фраза *все помышления, все молитвы – о Крыме* означает, что Россия неравнодушна к судьбе Крыма. В примере употребляются прилагательные с эмоционально-экспрессивными оттенками значения: *огромный* имеет оттенок увеличительности, *крохотный* – уменьшительности (Розенталь и др. 2010: 202). Таким образом выражается масштаб значения присоединения русского Крыма для россиян – о его судьбе беспокоятся как жители очень больших, так и очень маленьких населённых пунктов. Такое неравнодушие в России к русскому Крыму подаётся автором как признак духовного возрождения русской нации (*приметы таинственного русского возрождения, русской духовной весны*).

Рассмотрим следующий пример:

- (5) Крым – *важнейшая для русских земля, одна из основ нашей национальной идентичности*, если говорить о нас как о *великой нации*. Это один из *столпов* не только *русской истории*, но и *русской культуры*. И **возвращение Крыма** имеет и в самом деле *историческое значение*. Мы наконец-то начинаем ощущать *исправление совершенной в отношении нас несправедливости*. (Е. Холмогоров. Собрание земель русских. Известия, 07/03/2014.)

Автор примера (5) утверждает, что русские – *великая нация* и Крым – это *важнейшая для русских земля, одна из основ русской национальной идентичности*. Важность Крыма для русских, очевидно, объясняется тем, что Крым – *один из столпов русской истории и русской культуры*. Другими словами, Крым является неотъемлемой частью русской истории и культуры. Важность *возвращения Крыма* в Россию подчёркивается тем, что это событие имеет *историческое значение*. Далее автор употребляет слово *несправедливость*, которое, на наш взгляд, относится к мнению о том, что в советское время Крым был передан Украине незаконно. Данная *несправедливость* была совершена *в отношении нас*, т.е. русских. Другими словами, передача Крыма Украине в

советские годы рассматривается русскими как несправедливое действие, поскольку они лишились одной из территорий, символизирующих их национальную идентичность и культуру. Присоединение Крыма к России – это *исправление* данной несправедливости.

В корпусе «Известия» нами были также найдены два случая употребления метафоры, выражающей идею единства жителей Крыма и россиян через сравнение с семейными отношениями: *жители Крыма вошли в нашу большую российскую семью, жители Крыма – наши братья*.

Образ русского Крыма внедряется газетой также через освещение потребительской бытовой сферы жизни. Так, нами были найдены коллокации *русский Крым* в контексте одной статьи, повествовавшей о возможном выпуске коньяка «Русский Крым» непосредственно на территории полуострова, например: *производители алкоголя спешат заработать на «Русском Крыме»; выпустить на российский рынок новый сорт коньяка «Русский Крым»; «Русский Крым» будут производить непосредственно в Крыму*. Таким образом, русский Крым был представлен как товарный бренд, производители которого удачно использовали текущие политические процессы и общественные настроения.

Историческое единство России и Крыма также аргументируется незаконностью передачи Крыма УССР в 1954 году, например:

- (6) В 1954 году генсек Никита Хрущев, *желая заручиться поддержкой украинских партийцев*, обладающих серьезным влиянием в КПСС, инициировал *передачу Крыма* в состав Украинской Советской Социалистической Республики. К слову, тогда *никаких референдумов не проводилось*, а *президиумы Верховных Советов обеих республик, одоббившие присоединение, не имели на то формальных полномочий* (Р. Гарсия. Социологи зафиксировали редкое единодушие. Известия, 18/03/2014).

В примере (6) автор показывает передачу Крыма УССР интригой, на которую Н. Хрущёв пошёл для повышения собственного авторитета (*желая заручиться поддержкой украинских партийцев, обладающих серьезным влиянием в КПСС*). Передача Крыма не имела правовых оснований, поскольку проходила без организации референдума (*никаких референдумов не проводилось*), и была одобрена властями, которые не имели законного права на это (*президиумы Верховных Советов, одоббившие присоединение, не имели на то формальных полномочий*). Таким образом, у читателя может сложиться впечатление, что Крым всегда был российским.

Таким образом, в рамках дискурса исторического и культурного единства России и Крыма «Известия» показывают полуостров русской территорией, частью русской культуры и истории. Передача Крыма Украине в 1954 году считается незаконной.

6.2.2 Защита прав русскоязычных Крыма

Дискурс защиты прав русскоязычных был представлен, в основном, в газете «Известия». Однако несколько примеров из «Новой газеты» также можно отнести к данному дискурсу.

Вначале рассмотрим примеры из газеты «Известия». Нами было выявлено несколько тенденций в употреблении коллокаций, указывавших на дискурс защиты прав русскоязычных. Рассмотрим одну из них: *споры о будущем Украины и Крыма; сложившаяся ситуация вокруг Украины и Крыма; поскольку остаётся проблема Крыма; киевские власти не хотели и не умели заниматься проблемами Крыма; я разделяю вашу тревогу и озабоченность судьбой Крыма; все переживали за судьбу Крыма*. Эти примеры демонстрируют, что Крым рассматривается отдельно от Украины, что отношения между Украиной и Крымом сложные, а будущее Крыма вызывает беспокойство.

Приведём ещё одну тенденцию: *поддержать Крым и Восток*; [Россия не может предать – АО] *русских Востока и Крыма; защита русскоязычного населения восточной Украины и Крыма; под ударом оказалось бы не только всё русскоязычное население Крыма, но и всё население Восточной Украины; пророссийские настроения населения Крыма; в адрес населения Крыма сыпались угрозы; русские жители Крыма [...] просят помощи у России; ассимиляция и бандеризация русского населения Крыма и Севастополя*. В этих примерах русское население Крыма упоминается вместе с русским населением Севастополя, а также Украины. Этих людей, очевидно, объединяет то, что им угрожает опасность (*под ударом, сыпались угрозы*) и они *просят помощи у России*. В вышеупомянутых примерах используются слова *ассимиляция* и *бандеризация*. Слово *ассимиляция*, на наш взгляд, подразумевает, что политика новых украинских властей, появившихся после Евромайдана, могла лишить русских Крыма и восточной Украины определённых прав, например права говорить на русском языке. Разговорное неодобрительное *бандеризация* (Ляшенко 2014: 114), судя по всему, подразумевает, что на территорию Востока и Крыма могут прийти украинские националисты, от которых пострадает местное русское население. *Бандеризация* – производное от слова *бандеровец*. И. В. Ляшенко (2014: 110) относит *бандеровец* к этническим прозвищам украинцев в «языке вражды» российской и украинской блогосферы. Степан Бандера возглавлял украинские националистические движения 1930–1950-х гг. С 1940-х гг. последователей Бандеры – бандеровцев стали отождествлять с фашистами, а в

настоящее время российская сторона относит к ним ультраправых украинских националистов. (Ляшенко 2014: 114.)

Возникновение угрозы населению Крыма объясняется «Известиями» тем, что крымчане не поддержали смену власти в Киеве во время проведения Евромайдана. Рассмотрим следующий пример:

- (7) Члены Общественной палаты вернулись из рабочей поездки в Крым, где проводили мониторинг ситуации и настроений населения на полуострове. По словам замсекретаря ОП Владислава Гриба, *большинство жителей **Крыма** единодушно* в непризнании легитимности новой киевской власти. (Р. Гарсия. Общественники хотят составить список националистических СМИ Украины. Известия, 11/03/2014.)

В примере (7) использован риторический приём «подтверждение аргумента с помощью высказывания авторитета» (Jokinen 2016: 350–351). Идея того, что большинство населения Крыма не поддерживает новую власть, основана на мнении заместителя секретаря российской ОП В. Гриба и его коллег, побывавших в регионе. Заметим, что кроме высказывания авторитетного лица, содержащего слова *большинство* и *единодушно*, пример (7) не содержит статистического подтверждения мнения жителей Крыма. Статья, в которой встретились данные предложения, также не содержит цифр.

Реакцию России на ситуацию в Крыму выражают следующие коллокации и их окружение: *президент России принял решение о военной защите русского населения **Крыма**; в случае защиты интересов населения **Крыма** силами армии; помешать России реализовать свое право на защиту русского населения **Крыма** и своих стратегических интересов в регионе; пока необходимости вводить российские войска на **территорию Крыма** нет, войска могут быть введены лишь в крайнем случае*. Данные примеры были найдены в статьях, появившихся в «Известиях» после 1 марта 2014 года, т.е. после издания решения об использовании Вооружённых сил РФ на территории Украины, принятого В. Путиным и Советом Федерации РФ (Lenta.ru 2014). Таким образом, следуя дискурсу официальной власти, газета «Известия» строит репрезентацию, согласно которой Россия имеет право ввести свои войска в Крым для защиты местного русского населения. Данное право, судя по примеру (8), является неоспоримым:

- (8) Если ЕС хочет мира на своих границах и уважения к своей политике, то Европейскому союзу стоит не только отчётливо *признать полное право России на миротворческую миссию* по защите русского населения восточной ***Украины и Крыма***, но и озаботиться наконец экономической поддержкой самой Украины, оказавшейся в столь катастрофическом положении прежде всего по причине известных политических действий ЕС (Ю. Тюрин. Европе придётся раскошелиться. Известия, 06/03/2014).

В примере (8) неоспоримость права на военное вмешательство России обсуждается в контексте ультиматума, обращённого к ЕС, а не с помощью аргументации. Уверенность в том, что Россия может применить войска в Крыму, выражается в использовании прилагательного *полное (право)*, т.е. «абсолютное, проявляющееся вполне, а не частично» (БТСРЯ s. v. Полный). По мнению автора, ЕС должен *признать* это право России. Добрые намерения России обозначаются словосочетанием *миротворческая миссия*, имеющим позитивную коннотацию. Такой риторический приём О. С. Иссерс (2013: 92) называет приёмом выбора слова, в данном случае эвфемизмом.

Рассмотрим пример (9) из статьи, вышедшей после присоединения Крыма:

- (9) *Присоединение Крыма* стало *экстренной спасательной операцией*, на которую Россия решилась, руководствуясь чувством, а не расчетом, *несмотря на тяжелейшие риски и без всякой выгоды для себя*. Но было сказано: "Своих не бросаем". (И. Караулов. Россия возвращается в историю. Известия, 20/03/2014.)

В примере (9) присоединение Крыма описывается метафорой *экстренная спасательная операция*. Другими словами, Россия выступает в роли бескорыстного спасателя, который получил срочный вызов и поспешил выполнить свой долг, *несмотря на тяжелейшие риски и без всякой выгоды для себя*. Мотивацией к такому поступку стало *чувство*, стремление оказать помощь *своим*, т.е. жителям Крыма («*своих не бросаем*»). Такая репрезентация подходит также к дискурсу исторического и культурного единства России и Крыма. Россия защитила жителей Крыма, потому что они такой же национальности и культуры.

Теперь рассмотрим корпус «Новая газета». Приведём в качестве примера следующий отрывок:

- (10) Конечно, *русскоязычное население Крыма и других регионов опасается националистов и радикалов*, которые сыграли большую роль в смене власти в Киеве, и не доверяет нынешней центральной власти. Однако это *абсолютно решаемые проблемы в рамках обычной жизни*, и они не требуют *военной интервенции*. Если рассматривать вопрос с точки зрения оправдания угрозы *вторжения*, то в этом плане роль национал-фашистов в Украине в данный момент *несоразмерно преувеличена*. (Г. Явлинский. Война с Украиной недопустима и преступна. НГ, 14/03/2014.)

В примере (10) выражается идея того, что русским Крыма не угрожает серьёзная опасность, она *несоразмерно преувеличена*. Несоразмерный – «лишённый соразмерности, пропорциональности» (БТСРЯ s. v. Несоразмерный). Т.е. опасность национал-фашистов намного меньше, чем она представляется российскими властями. Хотя *русскоязычное население Крыма и других регионов опасается националистов и радикалов и не доверяет нынешней центральной власти*, эти проблемы можно решить *в рамках обычной жизни*, т.е., очевидно, в

рамках украинского государства. Этому высказыванию придаёт уверенность наречие *абсолютно (решаемые проблемы)*. В этой связи автор не считает необходимой защиту извне и выражает неодобрение российских действий в Крыму через использование слов с негативно окрашенным значением *военная интервенция* и *вторжение*. Весомость аргументам придаёт тот факт, что автор статьи Г. Явлинский – известный российский политик и экономист, руководитель социал-либеральной партии «Яблоко». На наш взгляд, мнение этого человека является авторитетным для читателей «Новой газеты». Таким образом, используется риторический приём авторитета категории говорящего (Jokinen 2016: 346–347).

Идея того, что русские Крыма не нуждаются в военной защите России, выражена также в следующем примере:

- (11) Начало весны - любимое время отечественных киллеров. Под звон робкой капли два с лишним века назад задушили *Павла I*. Ближе к концу столетия метнули бомбу в *Александра II*. [...] 1 марта 1995-го убили *Влада Листьева*. По-весеннему яркая *мадам Матвиенко* решила сломать традицию. Вместе со своей *верхней палатой* она 1 марта 2014-го удовлетворила просьбу президента Путина о вводе войск на ***территорию Крыма*** – не с целью убийства, а с целью защиты мирного русского населения (*правда, не очень понятно, от кого именно*). Пока только одна подзабытая певица *Вика Цыганова* поведала о том, что ее на Майдане приговорили к смерти. (С. Тарощина. Об искусстве жить по лжи. НГ, 12/03/2014.)

Пример (11) изобилует языковыми приёмами аргументации. Обратим внимание на некоторые из них. Автор отрицает наличие угрозы русским в Крыму, используя пояснение словосочетания *защита мирного русского населения* предложением в скобках – (*правда, не очень понятно, от кого именно*). То есть автор не понимает, кто или что именно может представлять угрозу, поэтому очевидно, что такой угрозы нет. Далее упоминается Вика Цыганова как единственная, *только одна*, кто признаёт такую угрозу. Вика Цыганова – российская поп-певица, широко известная в 1990-х годах. Автор показывает, что никто из авторитетных людей не подтверждает факта угрозы русским на Украине и в Крыму, кроме Цыгановой. Автор пишет о Цыгановой как о *подзабытой* певице. Приставка *под-* в данном случае имеет значение неполного действия, т.е. Цыганова забыта зрителями, но не совсем. Следовательно автор считает, что для восстановления своей былой популярности певица делает громкие политические заявления. Таким образом автор показывает, что высказываниям Цыгановой не стоит придавать большой вес, т.е. автор подрывает авторитет певицы, считает его неподходящим для подкрепления аргумента об угрозе русскоязычным на Украине.

В примере (11) передаётся ещё одна идея: введение российских войск в Крым – это военная агрессия, которая маскируется российской стороной благими намерениями. Поскольку автор не понимает, кого будут защищать российские войска в Крыму, она считает, что они идут туда *с целью убийства*. Российские намерения убивать подчёркиваются при помощи проведения параллелей с другими убийствами в российской истории, происходившими в начале марта, – убийством царей Павла I и Александра II, журналиста Влада Листьева. То есть, по мнению автора, начало марта – это традиционное время убийств, проявления агрессии российской стороной. Как мы отмечали в главе 2.5, такое сравнение называется А. А. Даниловой (2009: 87) *введением исторических параллелей* и считается приёмом языкового манипуляционного воздействия. Действительно, убийства известных деятелей, а также убийства простых людей в рамках исторических событий происходили в России не только в начале марта, поэтому утверждение о «мартовской» традиции убийств по всей видимости можно считать некорректным. Отметим также отрицательное отношение автора текста к председателю Совета Федерации Федерального Собрания РФ В. Матвиенко. Автор называет Матвиенко пренебрежительно *мадам* и пишет, что она одобрила решение о вводе войск *вместе со своей верхней палатой*, т.е. с Советом Федерации, который Матвиенко возглавляет. Фраза *со своей верхней палатой*, которую можно отнести к разговорной пренебрежительной речи из-за местоимённого прилагательного *свой*, подчёркивает, что мнение палаты подвластно Матвиенко.

Ввод российских войск в Крым представлен как агрессивное действие также в следующем примере из «Новой газеты»:

- (12) [...] мало кто предполагал, что российский президент фактически даст сигнал к *открытой интервенции*. [...] Эксперты считают, что Россия может не ограничиться «*защитой*» от новой власти **населения *Крыма***. На это указывают провокации в Харькове, Донецке и Одессе, похожие на те, с чего начинались последние события в Крыму. (А. Липский. Украина считает, что Россия объявила ей войну. НГ, 03/03/2014.)

Пример (12) употребляется в статье-репортаже из Киева и представляет собой точку зрения украинской стороны. Ввод российских войск в данном примере называется *открытой интервенцией*. *Интервенция* – это «вмешательство, обычно вооружённое, одного или нескольких государств во внутренние дела какой-либо страны; захватничество» (БТСРЯ s. v. Интервенция). На представление российских действий вооружённым вторжением также указывает употребление слова «*защитой*» в кавычках, что означает *так называемой защитой*. Т.е. автор сомневается в том, что российские войска идут защищать кого-либо, скорее всего, они идут захватывать. Такой риторический приём назван у К. В. Никитиной (2006б: 64–65) псевдономинацией. В примере (12) использован ещё один

риторический приём – подтверждение аргумента с помощью консенсуса (Jokinen 2016: 350–351). Ссылкой на высказывания авторитетной группы – *экспертов* подкрепляется тот аргумент, что после Крыма российские войска могут вторгнуться на юго-восток Украины. Однако в примере не указывается, кем являются эти эксперты.

Употребляемые в примерах (10), (11), (12) номинации российских действий в Крыму *военная* и *открытая интервенция*, *убийство*, *вторжение* можно, очевидно, считать дисфемизмами.

Таким образом, в рамках дискурса защиты русскоязычного населения Крыма «Известия» показывают, что русскоязычным Крыма угрожает опасность и Россия намерена выполнить миротворческую функцию, введя в Крым свои войска. Аргументы «Известий» оспариваются «Новой газетой». «Новая газета» утверждает, что для русскоязычных в Крыму нет никакой опасности, а введение российских войск – военное вторжение, которое может распространиться на юго-восток Украины.

6.2.3 Защита российских интересов

Дискурс защиты российских интересов был представлен в газете «Известия». На этот дискурс указывали, например следующие коллокации: *помешать России реализовать свое право на защиту русского населения Крыма и своих стратегических интересов в регионе, решение о военной защите русского населения Крыма и объектов Черноморского флота*. Как демонстрируют данные коллокации, защита русского населения Крыма рассматривается вместе с защитой российских стратегических интересов в Крыму, одним из которых является Черноморский флот.

Рассмотрим следующий пример:

- (13) Такие вопросы, как *широкая автономия Крыма, государственный статус русского языка [...], гарантированное базирование Черноморского флота, гарантированный военный нейтралитет самой Украины* и т.д., Киев и стоящая за ним часть "международного сообщества" были абсолютно не готовы обсуждать всерьез ровно до того момента, пока Крым уже де-факто не "самоопределился вплоть до отделения" (М. Ремизов. Жертва Крымской кампании. Известия, 17/03/2014).

В примере (13), очевидно, указываются условия, которые с точки зрения России должны были выполняться Украиной, чтобы не было отделения Крыма и присоединения его к России. Эти условия можно назвать стратегическими интересами России в Крыму. *Гарантированное базирование Черноморского флота* и *гарантированный военный нейтралитет самой Украины* являются условиями соблюдения российских интересов безопасности. *Широкая автономия*

Крыма и государственный статус русского языка – условия соблюдения российских национальных интересов, а именно – обеспечение прав русскоязычных в Крыму. Как видим, дискурс защиты российских интересов тесно связан с дискурсом защиты прав русскоязычных в Крыму.

Обратим внимание на следующий пример:

- (14) Признать *хунту* легальным правительством – всё равно что [...] *дать зелёный свет новым инициативам по демонтажу России – извне и изнутри* (А. Дугин. Отказать новой Украине в признании. Известия, 27/02/2014).

В примере (14) автор, очевидно, опирается на одну из версий, согласно которой украинский Евромайдан был организован западными странами, пытающимися сохранить существующий миропорядок с США в главенствующей роли. Западные страны организуют в различных странах революции и назначают там лояльные к себе правительства. Отрицательное отношение автора к новому украинскому правительству выражается словом *хунта*. *Хунта* обозначает «политическую группировку, захватившую при поддержке военных власть в стране и установившую свою диктатуру» (БТСРЯ s. v. Хунта). В предложении (14) описываются негативные последствия для России в случае признания ею нового украинского правительства законным, *легальным*. Так, используется словосочетание *дать зелёный свет инициативам по демонтажу России*. Разговорное выражение *давать зелёный свет* означает «позволять или способствовать беспрепятственному осуществлению чего-либо» (БСРП s. v. Давать зелёный свет). Слово *демонтаж* в переносном значении означает «уничтожение или коренное преобразование чего-либо» (ИСГРЯ s. v. Демонтаж). Таким образом, по мнению автора, если Россия поддержит прозападное украинское правительство, она даст разрешение на приход в неё прозападных сил, что приведёт к уничтожению России как сильного суверенного государства. Автором также используется фраза *извне и изнутри*. *Изнутри* вероятно подразумевает приход прозападных сил в Россию. *Извне* может относиться к подходу армии НАТО к границам России. О данной угрозе мы уже упоминали в главе 6.2.1, раскрывая дискурс Исторического и культурного единства России и Крыма. Таким образом, в примере (14) указывается на стремление России обеспечить целостность и безопасность своей территории.

6.2.4 Независимые действия и пророссийские настроения Крыма

Дискурс независимых действий и пророссийских настроений Крыма был выявлен нами как в газете «Известия», так и в «Новой газете». Под независимыми действиями Крыма мы понимаем идею того, что процессы и события,

происходившие в Крыму во время «Крымской весны», были инициированы самим Крымом и не возникли под влиянием внешних сил.

Рассмотрим вначале примеры из газеты «Известия». В корпусе «Известия» нами была прослежена некоторая тенденция в употреблении коллокаций *защищать Крым*. Данные коллокации встречались в статьях, опубликованных в конце февраля 2014 года и рассказывавших о силах самообороны Крыма, которые пытаются защищать местное население от новой украинской власти и радикально настроенных украинских националистов. Примерами употребления таких коллокаций являются следующие: *народное ополчение готово **защищать Крым**; казаки и «афганцы» **защищают Крым** от представителей новых властей и радикалов; мы найдем мужиков, которые ничего не боятся и будут **защищать Крым***. На наш взгляд, использование в данных примерах номинации *народное ополчение*, разговорного слова *мужики*, а также слов *казаки* и *«афганцы»* (т.е. участники войны в Афганистане) демонстрирует намерение авторов показать, что самооборону Крыма составляют в основном местные жители, возможно имеющие некоторый военный опыт, но не являющиеся частью профессиональной армии в настоящее время. Таким образом, «Известия» представляли, что Крым пытается защищаться от агрессивных действий новой власти и радикальных националистов собственными силами, в частности, силами самообороны.

Рассмотрим следующие коллокации и их окружение из статей от 3 марта 2014 года: *обращение президента Украины Виктора Януковича, который также осуждает новую власть Украины и поддерживает **власти Крыма**, которые обратились за помощью к России; **парламент Крыма** начал подготовку к референдуму о расширении полномочий автономии и определении дальнейшей судьбы региона*. Исходя из этих примеров, власти Крыма просят помощи у России (в статье обсуждалось введение российских войск, но не присоединение) и организуют референдум о независимости. Таким образом, власти Крыма представлены в образе органа власти, самостоятельно принимающего важные для региона решения без участия внешних сил.

Действия властей Крыма сразу после 3 марта представлены в примере (15):

- (15) Кроме того, Верховный **совет Крыма** обратился к Владимиру Путину и обеим палатам российского парламента с предложением начать *процедуру вхождения* АРК [Автономной Республики Крым – АО] в состав России в качестве нового субъекта. – Нет времени ждать. Новая киевская власть применяет репрессивные меры ко всем, кто не согласен с ее решениями. Например, [...] в отношении Крыма звучат предложения от *радикально настроенных атаманов* навести там порядок, – сказал "Известиям" *народный депутат Украины Олег Царев*. (Н. Башлыкова. Крым форсирует процесс исторического воссоединения с Россией. Известия, 07/03/2014.)

Согласно примеру (15), правительство Крыма само обращается к России с просьбой о присоединении. Словосочетание *начать процедуру вхождения* означает, что власти Крыма уже в начале марта настроены на вхождение полуострова в состав России. Объяснением необходимости данной инициативы выступает мнение О. Царёва – украинского пророссийски настроенного политического деятеля. Таким образом, в примере (15) используется риторический приём «подтверждение аргумента с помощью высказывания авторитета» (Jokinen 2016: 350–351). Согласно объяснению Царёва, промедление с присоединением опасно для Крыма. Угрозу полуострову и его жителям представляют *радикально настроенные атаманы*. Одно из значений слова *атаман* – «главарь, предводитель банды» (БТСРЯ s. v. Атаман). Таким образом, слово *атаманы*, очевидно, подразумевает группы украинских националистов и их руководителей, а также выражает отрицательное отношение к ним говорящего. Руководители националистических группировок грозят *навести порядок* в Крыму, т.е. расправиться с жителями полуострова, не принимающего новое украинское правительство. Стремление властей Крыма как можно быстрее присоединиться к России показано и в употреблении в заголовке статьи глагола *форсировать*, что значит *ускорять*.

Что касается России, то её реакция на инициативы правительства Крыма, по крайней мере на 5 марта 2014, заметна в следующем примере:

- (16) Путин считает, что решения **властей Крыма** легитимны, но заметил, что Россия не рассматривает вопрос присоединения полуострова. – *Это должны решать жители Крыма*, – подчеркнул президент. (Е. Созаев-Гурьев. На Украине произошёл вооружённый захват власти. Известия, 5/03/2014.)

Как показывает пример (16), по мнению Путина, решения крымских властей, по всей видимости организация референдума о независимости и просьба о присоединении Крыма к России, *легитимны*, т.е. законны, однако сама Россия не намерена присоединять Крым. Президент *подчёркивает*, что *это* (вопрос о присоединении к России) *должны решать жители Крыма*. То есть если жители Крыма захотят присоединиться, Россия рассмотрит этот вопрос. Таким образом, Россия выступает в качестве дружественного партнёра Крыма, однако она не выступает инициатором присоединения Крыма.

В примере (16) прослеживается идея того, что присоединение Крыма к России – это решение жителей Крыма. На эту идею также указывает просодия дискурса следующих коллокаций: *с **народом Крыма**, желающим большей самостоятельности в определении своего будущего; **народ Крыма** продемонстрировал всем своё волеизъявление; **жители Крыма** должны определиться; у каждого **жителя Крыма** есть право выбора; права всех **жителей Крыма** на свободное волеизъявление на референдуме; мы хотели бы,*

чтобы жители Крыма сделали осознанный выбор; как определяли свою судьбу жители Крыма; население Крыма определит дальнейшую судьбу автономии; население Крыма проводит референдум о присоединении к России и т.д. Таким образом, жители Крыма оказываются ключевыми игроками в принятии решения о статусе Крыма (*определение своего будущего, своей судьбы, дальнейшей судьбы автономии*). При этом жители выбирают одно решение из нескольких и делают это осознанно и независимо (*право выбора, осознанный выбор, самостоятельность, свободное волеизъявление*), даже организуют референдум по собственной инициативе (*население Крыма проводит референдум*).

Теперь перейдём к примерам из «Новой газеты». Рассмотрим примеры (17) и (18):

- (17) В *руководстве Крыма* уже не скрывают, что *главная проблема на «пути воссоединения Крыма и России»* теперь даже не Киев, а крымские татары. [---] Меджлис, крупнейшая общественная организация крымских татар, *отказалась признать власть нынешнего [пророссийски настроенного – АО] руководства Крыма и призвала к бойкоту референдума*. Глава меджлиса Рефат Чубаров *настаивает*, что о включении Крыма в состав РФ *не может быть и речи*, а татары *продолжат жить по законам Украины*. (П. Каныгин. Глава меджлиса крымских татар Рефат Чубаров: «Поверьте, конечного решения ещё нет». НГ, 19/03/2014.)
- (18) [...] особых сомнений в том, что большинство согласится с вхождением в Россию, нет. Этот результат обеспечат и пророссийский энтузиазм, охвативший *население Крыма* под воздействием массовой пропаганды, и *возможный бойкот референдума сплочённой крымско-татарской общиной* (сегодня – это 12 процентов населения Крыма) [...]. (А. Липский. Чудеса в Крыму. НГ, 12/03/2014.)

Как демонстрируют примеры (17) и (18), освещая референдум, «Новая газета» обращает внимание на мнение крымских татар. В обоих примерах употребляется словосочетание *бойкот референдума* крымскими татарами, то есть эта группа населения не собирается участвовать в референдуме. В примере (17) словосочетания *отказалась признать власть нынешнего руководства Крыма и призвала к бойкоту референдума* указывают на то, что крымские татары считают как руководство Крыма, так и организованный им референдум незаконными. Категоричность утверждения о единственном законном статусе Крыма как части Украины придают следующие словосочетания: *настаивает, не может быть и речи, продолжат жить по законам Украины*. Таким образом, «Новая газета» обращает внимание на часть населения Крыма, не поддерживающего пророссийские настроения в Крыму. Как демонстрируют примеры (17) и (18), роль крымских татар в крымских событиях рассматривается газетой двояко. С одной стороны, крымских татар называют *главной проблемой «на пути воссоединения Крыма и России»*, т.е. неприятие новых крымских властей

татарами можно, очевидно, считать препятствием для присоединения (пример (17)). Данный аргумент подкрепляется риторическим приёмом «подтверждение аргумента с помощью высказывания авторитета» (Jokinen 2016: 350–351) – используется предложение *в руководстве Крыма уже не скрывают*. Однако неопределённо-личный характер данного предложения указывает на размытость авторитета, т.е. всё-таки неизвестно, кто именно в руководстве Крыма не скрывает. С другой стороны, в «Новой газете» мнение крымских татар рассматривается как фактор, способствующий присоединению Крыма. Так, в примере (18) указывается, что из-за *возможного бойкота референдума татарами*, т.е. неучастия в референдуме потенциально отрицательных голосов, большинство голосующих отдаст свои голоса за присоединение. Процентное соотношение татарского населения 12% не критично для признания референдума состоявшимся, однако может серьёзно повлиять на его результаты. С одной стороны, факт неучастия татар в референдуме признаётся вероятным – *возможный бойкот*, с другой стороны, в случае осуществления бойкота, в нём примет участие вся община, поскольку она *сплочённая*.

В конце данной главы отметим, что нами были найдены коллокации, указывавшие на проблему крымских татар и в корпусе «Известия». Данные коллокации были найдены в рамках статьи Т. Байковой «Власти Крыма узаконили крымско-татарский язык», опубликованной в «Известиях» 12/03/2014. Коллокации и их ближайший контекст являются следующими: ***власти Крыма узаконили крымско-татарский язык***; Чубаров [глава меджлиса крымских татар – АО] *в первый раз высказался позитивно относительно взаимодействия с новой властью Крыма*; *надежда на диалог меджлиса с новым руководством Крыма*. Как демонстрируют данные примеры, в статье не отрицается проблема взаимоотношений между крымской властью и крымскими татарами, однако выражается идея улучшения этих взаимоотношений.

Таким образом, в рамках дискурса независимых действий и пророссийских настроений Крыма «Известия» показывают намерения местных жителей и местной власти самостоятельно обеспечить себе защиту и организовать мероприятия по присоединению к России. «Новая газета» несколько оспаривает репрезентацию «Известий», привлекая внимание к нежеланию части крымского населения – татар – становиться частью России. Газетой однако не отрицаются пророссийские настроения в Крыму.

6.2.5 Поддержка присоединения Крыма россиянами

Тенденции в употреблении коллокаций, указывавших на дискурс поддержки российских действий в Крыму россиянами, были найдены как в корпусе «Известия», так и в корпусе «Новая газета». Начнём с рассмотрения примеров из газеты «Известия».

«Известия» указывают на широкую поддержку жителями России присоединения Крыма, описывая народный митинг, результаты социологического опроса или прямо ссылаясь на мнение большинства: *«Крым, Россия, Севастополь», «Нет майдану!»* – звучали громкоголосые лозунги в толпе [в статье идёт речь о московском митинге из 30 тыс. человек – АО]; *за присоединение Крыма к нашей стране в качестве субъекта высказались 89% опрошенных москвичей; вся страна поддерживает присоединение Крыма к России; современная молодёжь приветствует вхождение Крыма и Севастополя в состав России*. В данных примерах использованы словосочетания *вся страна* и *современная молодёжь*, хотя очевидно, что абсолютно вся страна или вся молодёжь не могут иметь одинаковое мнение. Такую «ссылку на мифическое «большинство», «страну», «народ» Л. В. Балахонская и Е. В. Сергеева (2017: 134) называют *утверждением от лица неуполномочивавших социальных групп* и относят этот приём к манипулятивному языковому воздействию.

Отметим также следующий пример:

- (19) Деятели культуры России – в поддержку позиции президента по *Украине и Крыму*. В дни, когда решается *судьба Крыма* и наших соотечественников, деятели культуры России не могут быть равнодушными наблюдателями с холодным сердцем. (Деятели культуры поддержали позицию президента. Известия, 12/03/2014.)

Пример (19) употребляется в контексте коллективного заявления известных в российской культурной сфере людей, под которым поставили свою фамилию 83 человека. На наш взгляд, создание такого заявления – это использование риторического приёма авторитета категории говорящего (Jokinen 2016: 346–347). Целью такого заявления могло быть влияние на российское общественное мнение. В примере (19) употребление оценочной отрицательной номинации *равнодушные наблюдатели с холодным сердцем* выражает то, что подписавшие заявление люди не могут занимать нейтральную позицию относительно Крыма в трудные для него дни. На наш взгляд, номинация *равнодушные наблюдатели с холодным сердцем* способствует разделению реальности на две полярные категории: «мы» – неравнодушные люди, открыто поддерживающие действия России, и «враги» («они») – *равнодушные наблюдатели*, занимающие нейтральную позицию или не поддерживающие российские действия. В рамках

такого риторического приёма категория «враги» как правило описывается словами с отрицательными коннотациями (Данилова 2009: 57–58).

«Известия» также пишут об увековечивании присоединения Крыма в архитектуре Москвы. Приведём в пример следующие коллокации: *в центре столицы может появиться площадь Воссоединения **России и Крыма**; можно назвать площадью Воссоединения **России и Крыма** один из крупных перекрёстков неподалёку от Киевского вокзала; москвичи поддержат появление площади воссоединения **России и Крыма***. В данном случае предлагалось переименовать площадь Европы в площадь Воссоединения России и Крыма. Приведём другой пример: *воссоединение **России и Крыма** проиллюстрируют на торцах жилых домов; по одному арт-объекту, посвящённому **воссоединению Крыма и России***. В этом случае планировалось поместить изображения, связанные с присоединением, на торцах некоторых жилых домов Москвы. Упоминаются также и массовые мероприятия, посвященные присоединению: *столица [Москва –АО] отметит **присоединение Крыма** ярмаркой и балом; на празднике, посвящённом **присоединению Крыма и Севастополя***. Крым в московской архитектуре и массовые мероприятия представлены как символы поддержки присоединения Крыма.

Теперь обратимся к примерам из «Новой газеты». Несколько коллокаций, обнаруженных в разных статьях, указывали на то, что «Новая газета» фокусируется на россиянах, не поддерживающих присоединения Крыма, и отношении к ним большинства. Так, примеры *вопрос об изгнании из парламента несогласных с **присоединением Крыма** депутатов; почему вы голосовали против **присоединения Крыма*** употребляются в контексте предложения одной из российских партийных фракций об исключении из Государственной Думы четырёх депутатов, проголосовавших против присоединения Крыма к России. Рассмотрим следующий пример, также встретившийся в рамках данного контекста:

- (20) *Девушка [о депутате Госдумы Ирине Яровой – АО] в лучших отечественных традициях «озвучивает» имена тех, кто «покрыл себя неувядаемым позором», то есть не голосовал за **присоединение Крыма***. Индивидуальное клеймо достаётся Пономарёву: «Позиция против – это *позиция против своей страны и народа*». (С. Тарощина. Когда Волга впадает в Женевское озеро. НГ, 26/03/2014.)

В примере (20) автор пишет об Ирине Яровой – депутате Государственной думы РФ и цитирует её. Яровая критикует депутатов, проголосовавших против присоединения, в том числе И. Пономарёва. В цитатах прослеживается категорическая, радикальная позиция Яровой по отношению к несогласным депутатам: *неувядаемый позор, против своей страны и народа*. Голосование

против присоединения Крыма приравнивается Яровой к позору и предательству своей родины. Ироническое отношение самого автора статьи к Яровой и её речи прослеживается в употреблении разговорного *девушка*, а не Ирина Яровая, *в лучших отечественных традициях*, т.е. в России всегда принято осуждать несогласное меньшинство.

Перейдём к следующим коллокациям «Новой газеты»: *о поддержке позиции президента Российской Федерации по Украине и Крыму; в поддержку позиции президента РФ по Украине и Крыму; я имею абсолютно чёткую позицию по Крыму, Украине и всей этой ситуации*. Данные коллокации употребляются в контексте коллективного заявления российских деятелей культуры о поддержке позиции Путина по Украине и Крыму. Как мы указывали ранее в настоящей главе, данное заявление упоминалось и газетой «Известия». Отношение «Новой газеты» к этой теме резко отличается от оценок «Известий». Рассмотрение более широких контекстов в «Новой газете» показало, что издание старалось найти аргументы, дискредитирующие заявление деятелей культуры. Например, было приведено интервью с одним из писателей, признавшим, что он не подписывал данное заявление, хотя его имя было там указано. В противовес данному заявлению «Новая газета» опубликовала «Обращение инициативной группы по проведению Конгресса интеллигенции «Против войны, против самоизоляции России, против реставрации тоталитаризма», подписанное рядом известных людей российской культуры. Целью данного конгресса было, например рассмотрение присоединения Крыма в рамках опасных политических и экономических последствий для России, а также требование остановить распространение российской пропаганды и прекратить травлю россиян, несогласных с присоединением.

Обращение «Новой газеты» к ситуации с несогласными депутатами, а также противоречиям между представителями российской интеллигенции относительно присоединения Крыма, на наш взгляд, демонстрируют намерение газеты указать на раскол в российском обществе, причиной которому послужили российские действия в Крыму. «Новая газета» обращает внимание на меньшинство, несогласное с присоединением Крыма и подвергающееся из-за этого гонениям. В отличие от «Новой газеты», «Известия» фокусируются на большинстве, поддерживающем присоединение.

6.2.6 Положительное развитие Крыма в составе России

Дискурс положительного развития Крыма в составе России типичен для газеты «Известия», однако некоторые признаки данного дискурса были нами обнаружены также в корпусе «Новая газета».

Обратимся вначале к примерам из «Известий». Дискурс положительного развития возникает в «Известиях», начиная с 17 марта, т.е. после проведения референдума в Крыму. Газета пишет о планах российского правительства относительно политического и экономического развития Крыма в составе России. В данном контексте употребляются, например следующие коллокации: *изменение структур органов власти **Крыма и Севастополя**; правительство обсуждало вопросы поддержки социально-экономического развития **Крыма и Севастополя**; если **Крым входит** в состав России, то деньги будут выделяться так же, как и другим регионам.*

Некоторые коллокации указывают на перспективность Крымского полуострова как с экономической, так и с политической точки зрения: ***Крым не является** убыточным или бедным регионом; **Крым может** стать центром прибыли; **Крым может** стать популярной здравницей; **Крым** потенциально **может** стать базой отдыха для всех россиян; **Крым обладает** достаточным электоральным потенциалом, чтобы подстегнуть парламентские партии [русские партии – АО] к скорейшему открытию своих представительств.*

В стратегию развития региона входят, например укрепление Черноморского флота (***Крым будет** военно-морской базой всей России*) и стимулирование судостроения (*передача части судостроительных заказов **предприятиям Крыма** положительно скажется как на экономике полуострова, так и на российском бюджете*). Планируется также развивать курортную и транспортную сферы: *экономическое стимулирование курортных **территорий Крыма**; столица прорекламирует **курорты Крыма**; **Крым станет** Русской Ривьерой; обеспечивать сообщение между городами материковой части России и **курортами Крыма**; объём государственных и частных инвестиций, требуемых для восстановления транспортной и рекреационной **инфраструктуры Крыма**.*

Необходимым условием финансового развития Крыма считается переход на российскую валюту и регулирование деятельности местных банков российскими законами: *без быстрого эффективного введения на **территории Крыма** рубля будет сложно удержать стабильную финансовую ситуацию; в ближайшее время **Крым и Севастополь** перейдут на российский рубль; украинские банки с 2015 года не смогут работать в **Крыму и Севастополе** без лицензии банка России; банки на **территории Крыма** должны работать по российским законам.*

Просодия дискурса многих вышеперечисленных в данной главе коллокаций указывает на идею позитивного развития Крыма как части России. Эта идея передаётся через слова *развитие, поддержка, восстановление, экономическое стимулирование, инвестиции*. Среди найденных коллокаций всего две обозначали возможные экономические трудности входа Крыма в состав Российской Федерации или негативные последствия присоединения именно для Крыма. Такими случаями стали: *решение жителей **Крыма** и Севастополя было поддержано, несмотря на то что туда предстоит вложить значительные финансовые ресурсы*, а также *после **присоединения Крыма** количество туристов резко сократится*.

Существование дискурса положительного развития Крыма в «Известиях», на наш взгляд, свидетельствует о стремлении газеты показать, что Крым в составе России ожидает благополучное экономическое будущее, такое, какого у Крыма не было бы, если бы он находился в составе Украины.

Теперь рассмотрим примеры из «Новой газеты». Обратим внимание на следующий:

- (21) Однако сегодня у *людей **Крыма** есть и другие вопросы по поводу своего будущего*, на которые *Путин в своей речи не ответил* (О. Боброва, П. Каныгин. У людей Крыма есть вопросы по поводу будущего. НГ, 19/03/2014).

В примере (21) развитие Крыма рассматривается с точки зрения диалога между жителями полуострова и российской властью. В статье корреспондент газеты берёт интервью у местных жителей после просмотра ими трансляции официального обращения В. Путина по итогам референдума. В примере (21) указывается, что *у людей **Крыма** есть и другие вопросы по поводу своего будущего*, т.е. жители полуострова хотели бы получить дополнительные разъяснения относительно своего будущего в России. Однако на такие вопросы *Путин в своей речи не ответил*, т.е. жители пока не получили ответы на свои вопросы от новой власти. Таким образом, диалог между жителями полуострова и властями пока не налажен. Также в статье наряду с упоминанием оптимистичных мнений относительно будущего Крыма в составе России приводятся мнения, выражающие беспокойство. Опрошенных людей беспокоит рост цен на продукты после присоединения, возможное подавление Украинской православной церкви Русской православной церковью, а также то, что переход Крыма в Россию будет нелёгким и трудоёмким.

Рассмотрим ещё один пример:

- (22) ***Крым будет интегрирован в социально-экономическую систему России с присущим ей бардаком***. (А. Полухин, Д. Хачатрян. Присоединение «чёрного лебедя». НГ, 14/03/2017).

В примере (22) говорящий не сомневается, что *Крым будет интегрирован в социально-экономическую систему России*, т.е. полуостров станет частью этой системы. Однако, по мнению говорящего, российской социально-экономической системе *присущ бардак*. Переносное значение слова *бардак* – «беспорядок, хаос, неразбериха» (НСРЯ s. v. Бардак). Т.е. в российской экономике и социальной системе существует множество проблем. Таким образом, говорящим выражается некоторое сомнение в том, что будущее Крыма как части российской социально-экономической системы будет очень позитивным.

6.2.7 Незаконность присоединения Крыма к России

Дискурс незаконности присоединения Крыма к России был выявлен нами в «Новой газете». Вначале обратим внимание на подход «Новой газеты» к освещению деятельности самообороны Крыма. Напомним, что о самообороне Крыма также писали «Известия» в рамках выявленного нами дискурса независимых действий и пророссийских настроений Крыма (глава 6.2.4). Рассмотрим следующий пример из «Новой газеты»:

(23) Повсюду *автоматчики в камуфляже*. [---] Они *блокируют основные объекты военной [украинской – АО] инфраструктуры*, как полагается делать в случае войны. Кажется, *никто не мог представить*, что в такой роли выступают *солдаты загадочной самообороны Крыма*, подозрительно напоминающей соединения Черноморского флота РФ и российского армейского спецназа. (К. Мартынов. Введите войска в Вологду. НГ, 07/03/2019.)

В предложении (23) автор ссылается на самооборону Крыма как на *загадочную*, т.е. автору непонятно, что эти отряды из себя представляют. Также в примере используется следующее описание самообороны: *солдаты, автоматчики в камуфляже, блокируют украинские военные объекты*, т.е. представители самообороны ведут себя как профессиональные военные. Автор скорее всего вступает в полемику с дискурсом российской власти, представляющим отряды самообороны стихийными оборонительными отрядами из жителей Крыма – гражданских лиц. Автор иронизирует, что *никто не мог представить*, что простые жители будут одеты в военную форму, носить оружие, никого не защищать, а напротив, захватывать военные объекты так называемого противника. В конце примера автор прямо называет группы самообороны *напоминающими* российские войска.

Отметим также ещё один пример из статьи К. Мартынова:

(24) *Колонна безоружных украинских военных* выдвинулась к захваченным «силами *самообороны Крыма*» взлетно-посадочным полосам (К. Мартынов. Введите войска в Вологду! Новая газета, 07/03/2014).

В предложении (24), очевидно, подразумевается, что «силы самообороны Крыма» захватили как взлётно-посадочную полосу аэродрома, так и украинских военных, поскольку украинские военные безоружные. В примере употребляется риторический приём псевдономинации (Никитина 2006: 64–65). Подразумевая под кавычками фразу *так называемые*, автор иронизирует по поводу того, что группировку, захватившую *колонну*, т.е. строй украинских военных, можно считать силами самообороны. Примеры (23) и (24) показывают, что отряды «самообороны» *блокируют* и *захватывают*, т.е. они совершают военные или незаконные действия на территории Крыма.

Обратимся к следующему примеру:

- (25) *Войны России и Украины* в мире нормальных людей быть не может. Операцию по **оккупации Крыма** «зелёными человечками» может сочинить только тот, кем владеют жуткие химеры (А. Поликовский. Выход есть. НГ, 17/03/2-14).

В примере (25) автор прямо называет военную операцию в Крыму *оккупацией*. Фраза «зелёные человечки» не совсем объясняет, кто оккупировал Крым. Словосочетание «зелёные человечки» (также «вежливые люди») обозначает военных без знаков отличия, появившихся в Крыму в конце февраля 2014 года (Шевалье 2015). Однако из фразы *война России и Украины* первого предложения примера (25) становится понятно, что автор подразумевает оккупацию Крыма российскими войсками.

Теперь рассмотрим следующие примеры, относящиеся к описанию референдума:

- (26) [...] в условиях **оккупации Крыма** российскими войсками результаты крымского референдума не могут быть легитимными. *Международное сообщество* их не признает. **Оккупация Крыма** российскими войсками, заявил он [министр иностранных дел Литовской республики Линас Линкявичюс – АО], является фактом, о котором не знают разве что зрители российских телеканалов... (А. Минеев. Процесс пошёл. НГ, 05/03/2019).
- (27) *Международное сообщество* также говорит, что референдум нелегитимен, в частности, потому, что проводился на **территории Крыма** в присутствии вооружённых сил страны, заинтересованной в определенном исходе референдума (А. Липский. В сегодняшнем мире – всё бумеранг. НГ, 21/03/2014).

В примере (26) открыто упоминается *оккупация Крыма* российскими войсками. В примере (27) из словосочетания *вооружённые силы, заинтересованные в определённом исходе референдума*, читателю ясно, что речь идёт о российской армии. Как видно из примеров (26) и (27), незаконное присутствие российских войск на территории Крыма во время референдума является причиной его нелегитимности. В обоих примерах аргумент укрепляется мнением авторитета – международного сообщества, т.е. применяется риторический приём

«подтверждение аргумента с помощью высказывания авторитета» (Jokinen 2016: 350–351). В примере (26) представителем международного сообщества выступает Линас Линкявичюс – министр иностранных дел Литвы, которая являлась председателем ЕС на момент проведения Евромайдана. Непрямое цитирование слов Линкявичюса о том, что оккупация Крыма – это *факт, о котором не знают разве что зрители российских телеканалов* направлено на дискредитацию освещения событий в Крыму российским телевидением, на признание российского телевидения пропагандистским.

Теперь обратимся к рассмотрению других факторов, которые, по мнению «Новой газеты», являются причиной незаконности референдума. Рассмотрим следующий пример:

(28) Проведение референдума в Крыму по ряду обстоятельств *нельзя назвать абсолютно свободным волеизъявлением*. Имел место *фактор массовой пропагандистской обработки*, промывания мозгов с помощью СМИ и информационных технологий. Ну и, конечно, *прямое присутствие вооруженных лиц другого государства*, которое как бы ни скрывали, но всем понятно, что было. К тому же *недели за две до референдума Верховный Совет Крыма* как высший орган власти уже принял решение о вхождении в состав России. А это разве не фактор давления? (А. Липский. В сегодняшнем мире – всё бумеранг. НГ, 21/03/2014).

В отрывке (28) говорится о том, что голосование жителей Крыма на референдуме *нельзя назвать абсолютно свободным*, т.е. голосование было не совсем свободным и независимым, значит результаты референдума нельзя признать законными. Причинами необъективного голосования на референдуме являются российская пропаганда (*фактор массовой пропагандистской обработки*) и присутствие российских войск на полуострове (*прямое присутствие вооруженных лиц другого государства*). Необъективное голосование также может быть обусловлено принятием решения о присоединении правительством Крыма до референдума (*недели за две*). Последний аргумент укрепляется риторическим вопросом: *а это разве не фактор давления?* Как отмечает К. В. Никитина (2006: 95), с помощью риторических вопросов можно вовлечь читателя в более активное восприятие текста. На наш взгляд, в примере (28) говорящий, задавая свой риторический вопрос, как бы запрашивает у читателя подтверждения того, что уже готовое решение о присоединении Крыма повлияло на выбор жителей полуострова. Весомость аргументам говорящего также придаёт то, что он является авторитетом. Текст примера (28) – это слова специалиста по конституционному праву М. Краснова.

Приведём ещё один пример:

- (29) Если бы этот референдум проводился хотя бы 25 мая (изначально выбранная Верховным *советом Крыма* дата для голосования. - П. К.), если хотя бы они придерживались хоть каких-то формальностей, а не создавали бы только видимость. [---] Но за девять дней такой референдум не проводится (П. Каныгин. Глава меджлиса крымских татар Рефат Чубаров: «Поверьте, конечного решения ещё нет». НГ, 19/03/2014).

В примере (29) глава крымско-татарской общины Рефат Чубаров объясняет, почему община не выставила наблюдателей на референдуме и вообще отказалась участвовать в нём. Причинами бойкотирования референдума крымские татары называют его слишком быструю подготовку (*за девять дней такой референдум не проводится*). Предложение *если бы они придерживались хоть каких-то формальностей* скорее всего подразумевает, что подготовка референдума проводилась с нарушением необходимых процедур организации референдума.

Рассмотрим ещё один пример:

- (30) *Присоединение Крыма* фактически *нарушает положения Будапештских соглашений* о гарантиях безопасности Украине в обмен на ее отказ от ядерного оружия. (А. Липский. В сегодняшнем мире – всё бумеранг. НГ, 21/03/2014).

В примере (30) указывается на незаконность самого факта присоединения Крыма. Автором упоминается Будапештский меморандум – «документ о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия», который был подписан в декабре 1994 года Украиной, Россией, США и Великобританией. В этом документе, помимо прочего, стороны обязались «уважать независимость, суверенитет и существующие границы Украины, воздерживаться от угрозы силой», а также «не применять силу относительно территориальной целостности и политической независимости Украины». (Заремба 2018.) Таким образом, пример (30) демонстрирует, что, присоединяя Крым к своей территории, Россия разрушает территориальную целостность Украины, что противоречит Будапештским соглашениям, *нарушает их положения*. Таким образом, Россия нарушает международное соглашение.

Таким образом, незаконность присоединения Крыма к России объясняется «Новой газетой» незаконностью приведших к присоединению мероприятий, а именно, оккупацией российскими войсками территории Крыма, а также нелегитимностью референдума. Сам факт присоединения считается нарушением международного соглашения.

6.2.8 Негативные последствия присоединения Крыма

Дискурс негативных последствий присоединения Крыма характерен прежде всего для «Новой газеты», однако некоторые примеры из газеты «Известия» также были отнесены нами к данному дискурсу.

Вначале рассмотрим репрезентации «Новой газеты». Контексты употребления некоторых коллокаций явно указывали на трудности для России после присоединения Крыма. Приведём следующие примеры: *с какими проблемами столкнутся Россия и Крым в случае исторического воссоединения; провальные в экономическом отношении, как присоединение Крыма, мероприятия; какие еще санкции могут ждать Россию и почему Крым станет точкой отсчета нового курса в российско-американских отношениях; приняв троянский Крым, Россия обеспечит себе экономические проблемы на долгие годы; присоединение Крыма к России сегодня – это опаснейший шаг, который может привести к войне*. Негативными последствиями присоединения называются экономические трудности для России, например введение в её отношении санкций, переоценка российско-американских отношений, а также угроза войны. Обращает на себя внимание использование словосочетания *приняв троянский Крым* в одном из примеров. Называя Крым *троянским*, автор обыгрывает крылатое выражение *троянский конь*, возникшее из греческого предания и имеющее значение «хитрая ловушка» (ЭСКСВ s.v. Троянский конь).

Рассмотрим следующий пример:

- (31) При этом автор [автор статьи – АО] не имеет в виду такие очевидные и неизбежные последствия **присоединения Крыма** к России, как *беспрецедентная международная изоляция* нашей страны [...]; как вполне *реальные и болезненные* для России *экономические и прочие санкции*; как *колоссальные экономические издержки* поддержания жизнеспособности Крыма и интеграции его в Россию; как *безнадёжно испорченные отношения* между россиянами и украинцами, а также очередной сеанс *«закручивания гаек»* и *охоты на ведьм* в России как неизбежное следствие *ура-патриотической вакханалии* (А. Липский. Чудеса в Крыму. НГ, 12/03/2014).

В примере (31) перечисляется ряд негативных последствий для России после присоединения Крыма: международная изоляция, экономические санкции, большие затраты на развитие Крыма, ухудшение отношений между россиянами и украинцами. В примере также использованы выражения *«закручивание гаек»*, *охота на ведьм* и *ура-патриотическая вакханалия*. Просторечное экспрессивное выражение *закручивать гайки* означает «увеличивать строгость притеснения» (ФСЛРЯ s. v. Закрутить гайки). Выражение *охота на ведьм* используют иносказательно, когда говорят «о преследовании неугодных, политических или идеологических противников» (ЭСКСВ s. v. Охота на ведьм). Таким образом, ещё одним последствием присоединения Крыма в примере (31) называется

преследование лиц, настроенных оппозиционно к политике российских властей. Значение слова *ура-патриотизм* – «хвастливый, ложный патриотизм» (НСРЯ s. v. Ура-патриотизм), одно из значений слова *вакханалия* – «бурное, беспорядочное проявление чего-либо» (НСРЯ s. v. Вакханалия). Т.е. преследование оппозиционеров является следствием бурного распространения ложного патриотизма в России. Особую выразительность языку примера (31) придают прилагательные: *беспрецедентная (международная изоляция)* – т.е. такой ещё не было, *болезненные (санкции)* – т.е. такие, которые вызовут множество проблем, *колоссальные (издержки)* – т.е. очень большие, *неизбежное (следствие)* – т.е. такое, которое обязательно случится. Наречие *безнадёжно (испорченные отношения)* означает *без надежды на улучшение*. Эти прилагательные и наречие усиливают пессимистический тон речи автора.

Рассмотрим ещё один пример:

- (32) **Крым стал** частью России. И мы имеем дело с новой реальностью, которая создает новые вызовы и риски. [---] Крымский референдум создает вероятность *эпидемии референдумов* в восточных регионах Украины. Соответственно, сохраняется возможность *«горячей войны»*, не говоря уже о *холодной*, которая уже становится частью той самой новой реальности. [---] Она [война, боевые действия – АО] станет настоящей катастрофой мирового масштаба – политической, геополитической, человеческой, бытовой, да какой угодно. (После Крыма. НГ, 19/03/2014).

В примере (32) указывается на ещё одно возможное последствие присоединения Крыма – возможные военные действия на востоке Украины. По мнению автора, крымский референдум может повлечь за собой *эпидемию референдумов* в восточной части Украины, т.е. желание этого региона отделиться от Украины, вследствие чего возможно развитие войны. Слово *эпидемия* употребляется здесь в переносном значении: «то, что быстро распространяется, передаётся от одного к другому» (НСРЯ s. v. Эпидемия). Таким образом, в предложении подчёркивается быстрый характер распространения идеи выступлений за независимость в восточном регионе. Слово *эпидемия* имеет негативную коннотацию, поэтому оно выражает некоторое неодобрительное отношение автора к сепаратистским стремлениям данного региона. Автором также упоминаются *«горячая война»*, т.е. боевые действия, и *холодная война*, т.е. противостояние между странами. *Горячая война* – англоязычный термин (УРАС s. v. Горячая война). Вероятно по этой причине автор заключает данное выражение в кавычки. Если «горячая война» пока только вероятна (*возможность*), то холодная уже началась (*уже становится частью той самой новой реальности*). Автор называет войну *настоящей катастрофой мирового масштаба*, которую он определяет разными прилагательными: *политическая, геополитическая, человеческая, бытовая*.

Чувства, передаваемые автором с помощью данных прилагательных по поводу вероятной «горячей войны», – беспокойство и даже страх.

Единственной коллокацией, передающей положительный смысл в рамках данного дискурса, стала следующая: *никаких социально-экономических трудностей в связи с присоединением Крыма к России я не вижу*. Это предложение выражает мнение одного из экспертов и разумеется несёт функцию выражения альтернативного мнения в рамках газетного дискурса.

Теперь перейдём к рассмотрению примеров из «Известий». Обратим внимание на следующий пример:

- (33) [...] было бы серьёзной ошибкой считать, что *угроза* (а речь пока идет только об угрозе!) *военной операции России на Украине* является первым шагом на пути к *аннексии Крыма* или востока Украины. С точки зрения военной стратегии это не такой уж невероятный сценарий. Но *политические последствия* такого шага будут, скорее всего, тягостными для России, и *приобретенные* таким образом *территории* могут стать не геополитическим призом, а *дополнительным обременением*. (К. Бенедиктов. Взвешенно и жёстко. Известия, 03/03/2014.)

В примере (33) заметна довольно нетипичная для «Известий» номинация присоединения Крыма – *аннексия*. С помощью существительного *угроза* выражается некоторое неодобрение возможной российской военной операции на Украине. Далее упоминаются *политические последствия* военной операции на Украине для России, а также то, что полученный Крым или восток Украины (*приобретённые территории*) станут для России *дополнительным обременением*, т.е. вызовут какие-то трудности.

Рассмотрим следующий пример:

- (34) Но это не значит, что у *неизбежного решения о согласии на возвращение Крыма и Севастополя домой, в Россию*, нет *опасных последствий*. Речь идет не о пресловутых западных санкциях – некоторые из них, будучи примененными, нанесут Западу большой политический и материальный ущерб. [...] Решение о возможности использования наших вооруженных сил на Украине, а тем более согласие на *вхождение Крыма* в состав России, безусловно, *вдохновляет узурпаторов в Киеве на подавление стихийного сопротивления юга и востока Украины* (К. Затулин. Показать силу, чтобы её не применять. Известия, 11/03/2014).

Первое предложение примера (34) указывает на дискурс негативных последствий присоединения Крыма, однако репрезентация, которую выражает это предложение, отличается от репрезентаций «Новой газеты». Если в репрезентациях «Новой газеты» негативные последствия подаются как причина для отказа от присоединения Крыма, то в репрезентации «Известий» выражается положительное отношение к присоединению, а негативные *опасные последствия* рассматриваются как сопутствующий факт присоединения. То, что

присоединение Крыма обязательно произойдёт, выражается словосочетанием *неизбежного решения о согласии*. Положительное отношение к присоединению передаётся через домашнюю метафору *возвращение Крыма и Севастополя домой в Россию*. Данная метафора, описанная И. А. Серёгиной и А. П. Чудиновым (2014: 90–92), указывает на общность народов Крыма и России, что позволяет отнести пример (34) также к дискурсу исторического и культурного единства России и Крыма, описанного нами в главе 6.2.1. В примере (34) опасным последствием присоединения называется подавление *стихийного сопротивления на юго-востоке Украины*. Под *сопротивлением*, как явствует из контекста, подразумевается противодействие русскоязычной части населения данного региона политике нового украинского правительства. Данное сопротивление *стихийное*, т.е. «сильное и непроизвольное», «происходящее как естественный процесс» (БТСРЯ v. s. Стихийный). Сопротивление русскоязычных будет *подавляться*, т.е. насильственно прекращаться, *узурпаторами* в Киеве. *Узурпатор* – «тот, кто незаконно захватил в свои руки власть» (БТСРЯ v. s. Узурпатор). Данное слово выражает негативное отношение автора к новому украинскому правительству. Таким образом, автор указывает, что после присоединения Крыма на юго-востоке Украины начнутся репрессии русскоязычных, сопротивляющихся новой власти. Автором примера (34) упоминается ещё одно возможное последствие присоединения – введение санкций по отношению к России. Однако автор не считает это последствие опасным для России – санкции *нанесут Западу больший политический и материальный ущерб*. Также употребление слова *пресловутые* о санкциях означает ироничное отношение автора к ним. *Пресловутый* в переносном значении – «получивший отрицательную или сомнительную известность, славу (обычно с оттенком иронии)» (НСРЯ s. v. Пресловутый).

Наконец, рассмотрим последний пример:

- (35) Депутат Госдумы Илья Пономарев соглашается, что *референдум прошёл честно и чисто, но не хочет, чтобы Крым был принят в состав России*.
– Я искренне надеюсь, что **Крым не будет** принят, потому что если это произойдет, то может привести к *пересмотру границ на всем постсоветском пространстве*. У многих стран есть претензии друг к другу, – говорит он. (Р. Гарсия. Социологи зафиксировали редкое единодушие. Известия, 18/03/2014).

В примере (35) приводится мнение оппозиционно настроенного к присоединению Крыма депутата И. Пономарёва. Напомним, что в рамках дискурса поддержки присоединения Крыма россиянами мы использовали пример, в котором И. Пономарёв упоминался «Новой газетой» (пример (20)). «Новая газета» писала, что И. Пономарёв вместе с несколькими депутатами Госдумы подвергся травле

из-за отказа поддержать присоединение Крыма. Как видно из примера (35), «Известия» также указывают на оппозиционное мнение депутата: Пономарёв *не хочет, чтобы Крым был принят в состав России*. Причиной отказа от присоединения самим депутатом называется вероятность *пересмотра границ на всём постсоветском пространстве* в случае присоединения Крыма, поскольку у *многих стран есть претензии друг к другу*. Т.е. довольно лёгкое присоединение Крыма к России может стать примером для других бывших советских республик, чтобы предъявить права на территории, которые они считают своими. На наш взгляд, данная идея подразумевает, что попытка пересмотра границ может вызвать военные конфликты на постсоветском пространстве. Отметим также, что И. Пономарёв скорее всего признаёт законность и объективность референдума, поскольку он говорит, что *референдум прошёл честно и чисто*.

Как мы видим, в газете «Известия» тоже указываются негативные последствия присоединения. Однако наряду с этим признаётся законность референдума, а также необходимость присоединения Крыма.

6.3 Выводы

Результаты анализа коллокаций леммы *Крым*, представленные нами в главе 6.1, показали, что газеты «Известия» и «Новая газета» могли обращаться к одинаковым темам, связанным с крымскими событиями. Например, обе газеты писали о властях Крыма, его населении, присоединении полуострова к России. С другой стороны, подход к освещению крымских событий одной газеты отличался от подхода другой. Эти отличия проявлялись в использовании оценочной лексики, фокусировании на разных деталях крымских событий и выражении различающихся оценок относительно некоторых событий.

Полученное с помощью анализа коллокаций первоначальное представление об особенностях освещения крымских событий в исследуемых нами газетах послужило отправной точкой для следующих этапов нашего исследования. В результате проведения КДА на материале коллокаций и их контекста в главе 6.2 нами было выявлено восемь дискурсов.

Дискурс исторического и культурного единства России и Крыма был обнаружен в газете «Известия». В рамках данного дискурса газетой показывалось, что Крым по праву принадлежит России, потому что это русская территория. Крым – одна из основ русской национальной идентичности, неотъемлемая составляющая русской истории и культуры. Передача Крыма УССР в 1954 году была незаконной, поэтому присоединение Крыма к России – это устранение

исторической несправедливости, совершённой в отношении русских. Обеспокоенность России судьбой русского Крыма – признак духовного возрождения русской нации.

Дискурс защиты русскоязычных Крыма был представлен в обеих газетах. Данным дискурсом газета «Известия» указывала на сложные отношения между Украиной и Крымом и тревогу за будущее Крыма со стороны России. Газетой показывалось, что русские жители Крыма и Востока Украины не поддерживают новые украинские власти, поэтому им угрожает опасность. Русские жители Крыма просят защиты у России. Россия решает осуществить своё право на выполнение миротворческой функции в Крыму, введя на его территорию свои войска. Репрезентация миротворческой функции России появляется после 1 марта 2014 года, когда было издано решение об использовании Вооружённых сил РФ на территории Украины. Аргументация «Новой газеты» оспаривала аргументацию «Известий». «Новая газета» указывала на то, что русскоязычным в Крыму не угрожает опасность и для военного вмешательства в Крыму со стороны России нет необходимости. Намерение российской стороны ввести свои войска в Крым – это открытое вторжение на территорию другого государства, которое может распространиться на юго-восток Украины.

Дискурс защиты российских интересов проявлялся в газете «Известия» в тесной связи с дискурсом защиты русскоязычных Крыма. Газетой показывалось, что негативная реакция России на украинский Евромайдан и последующее присоединение Крыма связаны с её стремлением защитить свои интересы в Крыму. Интересы России в Крыму – это национальные интересы, а также интересы обеспечения безопасности и целостности российских территорий. Гарантированное базирование Черноморского флота в Крыму и гарантированный военный нейтралитет Украины является соблюдением российских интересов безопасности. Широкая автономия Крыма и государственный статус русского языка – это соблюдение российских национальных интересов. Предотвращение прихода войск НАТО в Крым, а также распространения прозападных сил в России – это обеспечение целостности российской территории.

Дискурс независимых действий и пророссийских настроений Крыма проявлялся в газете «Известия» и некоторым образом в «Новой газете». В рамках данного дискурса «Известиями» показывалось, что силы самообороны Крыма, т.е. местные жители, пытаются защищать своё население от репрессий новой украинской власти и радикально настроенных украинских националистов. В ситуации угрозы власти Крыма просят помощи у России и обращаются к ней с просьбой о присоединении до организации референдума. Ключевыми игроками в принятии решения о присоединении Крыма являются его жители. Жители Крыма

делают осознанный, независимый выбор на референдуме. «Новая газета» не оспаривала пророссийские настроения Крыма, однако также привлекала внимание к нежеланию части крымского населения – татар – становиться частью России.

Дискурс поддержки присоединения Крыма россиянами был представлен как в газете «Известия», так и в «Новой газете». Газетой «Известия» демонстрировалось, что большинство россиян поддерживает присоединение Крыма к России. Также подчёркивался символический характер поддержки присоединения. «Новая газета» фокусировалась на том, что в российском обществе наблюдается раскол из-за мнений относительно российских действий в Крыму. Россиян, не согласных с присоединением, подвергают гонениям.

Дискурс положительного развития Крыма в составе России возник в газете «Известия» после 16 марта – даты проведения референдума в Крыму. Газета показывала, что Крым в составе России ожидает благополучное экономическое будущее. Крым рассматривается российским правительством как перспективный регион с точки зрения экономического развития. В стратегию развития региона в составе России входят, например укрепление Черноморского флота, стимулирование судостроения, восстановление и развитие курортной и транспортной сфер. «Новая газета» несколько оспаривала репрезентацию «Известий», показывая, что жители Крыма выражают некоторое беспокойство о своём будущем в составе России, однако российская власть пока не реагирует на это. У самой российской социально-экономической системы есть множество проблем.

Дискурс незаконного присоединения Крыма был выявлен в «Новой газете». Газетой показывалось, что так называемая самооборона Крыма – это профессиональные военные российской армии, находящиеся на территории Крыма незаконно. Газета оспаривала легитимность крымского референдума: он проводился с нарушением организационных процедур, в ситуации повсеместной российской пропаганды и присутствия российских войск на полуострове. Сам факт присоединения Крыма – это нарушение территориальной целостности Украины, что противоречит положениям Будапештского меморандума.

Дискурс негативных последствий был выявлен в «Новой газете» и некоторым образом в «Известиях». «Новая газета» демонстрировала, что присоединение Крыма нежелательно, поскольку оно вызовет ряд отрицательных последствий. Такими последствиями назывались международная изоляция России, экономические санкции, издержки на развитие Крыма, преследование российской оппозиции, сепаратистское движение восточной части Украины и война в этом регионе. «Известия» также указывали на негативные последствия

присоединения – пересмотр границ на постсоветском пространстве и конфликт на юго-востоке Украины, однако признавали законность референдума, а также необходимость присоединения Крыма.

Таким образом, в целом для риторики газеты «Известия» были характерны шесть дискурсов, для «Новой газеты» – два. Дискурсами, типичными для «Известий», являются следующие: историческое и культурное единство России и Крыма, защита русскоязычных Крыма, защита российских интересов, независимые действия и пророссийские настроения Крыма, поддержка присоединения Крыма россиянами, а также положительное развитие Крыма в составе России. Типичными для «Новой газеты» стали дискурс незаконного присоединения Крыма и дискурс негативных последствий. Аргументы каждой из газет в рамках нетипичных для неё дискурсов часто выполняли функцию оспаривания, опровержения аргументов другой газеты. Также в рамках одного дискурса газеты могли фокусироваться на разных объектах, конечно, в рамках своей риторики. Некоторые из дискурсов, выявленные в одной газете, не встречаются в другой.

В начале нашего анализа, исходя из терминологии Н. Фэркло (Fairclough 2001: 75–76), мы отнесли газету «Известия» к доминирующему политическому дискурсу, а «Новую газету» – к подавляемому дискурсу. Справедливость данного подхода подтверждают результаты нашего анализа. Так, «Известиям» свойственна риторика, поддерживающая действия российских властей в Крыму, а «Новой газете» – критикующая данные действия. Результаты нашего анализа также подтверждают борьбу дискурсов, описанную Н. Фэркло (Fairclough там же). Так, некоторые дискурсы «Известий» и «Новой газеты» находятся в явной оппозиции друг к другу. Это относится к дискурсу независимых действий и пророссийских настроений Крыма («Известия») и дискурсу незаконного присоединения Крыма («Новая газета»), а также в некоторой степени к дискурсу положительного развития Крыма («Известия») и дискурсу негативных последствий («Новая газета»). Внутри нескольких дискурсов заметно явное противостояние аргументов газет. Это относится, например к дискурсу защиты русскоязычных Крыма и дискурсу положительного развития Крыма.

Таким образом, по итогам рассмотрения материала можно сказать, что репрезентации крымских событий, построенные газетой «Известия» и «Новой газетой», отличались друг от друга оценками присоединения Крыма и событий, к нему приведших.

Рассматривая «Известия» как часть доминирующего дискурса, обратим внимание на содержание репрезентации этой газеты с точки зрения политической мифологии. Под политической мифологией понимается «форма политического

сознания, в котором знание и понимание фактов политики замещается образами, символами, вымыслами, легендами и верой в них» (НФЭ цит. по Балахонской 2015: 189). Согласно Ю. В. Балахонской (2015: 192), политические мифы строятся вокруг четырёх основных тем: миф о враге, о социальном идеале, о героическом спасителе и об идентификационной общности. На наш взгляд, выявленные нами репрезентации «Известий» во многом основаны на этих темах. Так, миф о враге состоит в представлении новых украинских властей и западных стран врагами Крыма и России. Миф о социальном идеале газета реализует, рисуя благополучное экономическое будущее Крыма в составе России. Миф о героическом спасителе состоит в том, что Россия представлена в роли спасателя жителей Крыма. Миф об идентификационной общности газета реализует, ссылаясь на этническое и культурное единство русских Крыма и России. Данное единство «мы – русские» противопоставляется «им – украинским националистам». Таким образом, данный миф основывается на оппозиции «свои»-«чужие» (Балахонская 2015: 192). Одной из функций политических мифов является «легитимация политического строя и политической элиты» (Балахонская 2015: 193), т.е. политические мифы, очевидно, являются одним из способов укрепления господствующего политического дискурса.

Результаты нашего исследования во многом совпадают с результатами предыдущих исследований описания присоединения Крыма, представленных нами в главе 4. Так, выявленная нами репрезентация «Известий» совпадает с репрезентацией России, Крыма и референдума русскоязычной версии Wikipedia в исследовании А. М. Демильхановой и О. Г. Денисовой (2016: 90). При этом репрезентация «Новой газеты» совпадает с репрезентацией, упомянутой А. М. Демильхановой и О. Г. Денисовой (там же) англоязычной версии Wikipedia. Выявленные В. А. Амировым (2014: 52–54) и Е. С. Голоусовой & В. М. Амировым (2016: 56–57) аргументы российских газет в пользу российских действий в Крыму (исторический, патерналистский, демократический, военный и культурный) также встречаются в рамках выделенных нами дискурсов, характерных для «Известий». Что касается аргументов западной прессы против российских действий в Крыму, выявленных В. А. Амировым (там же), то один из них – юридический – совпадал с аргументом «Новой газеты». Однако других аргументов – антидемократического (Россия препятствует силой развитию украинской демократии) и европейского (Россия подавляет европейское развитие Украины) – в «Новой газете» нами замечено не было. Таким образом, точка зрения «Новой газеты» относительно крымских событий некоторым образом совпадала с западной точкой зрения.

В рамках исследованного материала «Известий» нами было также замечено использование описанной И. А. Серёгиной и А. П. Чудиновым (2014: 90–92) domestic metaphor, характерной для пророссийского политического дискурса СМИ. В целом как «Известия», так и «Новая газета» строили свои дискурсы и, соответственно, репрезентации, используя ряд риторических приёмов. В окружении рассмотренных коллокаций в корпусе «Известия» нам встретились такие риторические приёмы, как эвфемизмы, антонимы и метафоры, ссылка на мифическое большинство, разделение реальности на категории «мы» и «они». В корпусе «Новая газета» были замечены дисфемизмы, псевдономинация, риторический вопрос, введение исторических параллелей. Обеими газетами использовались такие приёмы, как «подтверждение аргумента с помощью авторитета категории самого говорящего или высказывания другого авторитета». Риторические приёмы позволяли сделать аргументацию газет более убедительной, повлиять на мнение читателя.

7. Заключение

Целью настоящей работы стало выявление репрезентаций, построенных в рамках присоединения Крыма к Российской Федерации в 2014 году, российскими газетами с разной политической направленностью: «Известиями» и «Новой газетой». Газета «Известия» относится к ведущим российским СМИ, «Новая газета» – к оппозиционной прессе. Основными этапами настоящей работы стали определение понятий данного исследования, описание материалов и методов исследования и выявление дискурсов и репрезентации каждой из газет.

В ходе исследования нами было выделено шесть дискурсов, типичных для риторики «Известий», и два дискурса, типичных для риторики «Новой газеты». Типичными для «Известий» стали дискурсы, выражающие поддержку действий российских властей в Крыму и его присоединения. Типичными для «Новой газеты» стали дискурсы, критикующие действия российских властей и присоединение Крыма. Однако некоторые из вышеперечисленных дискурсов всё-таки встречались в обеих газетах. Внутри таких дискурсов аргументы каждой из газет противоречили друг к другу или фокусировались на разных объектах с целью поддержки точки зрения газеты.

В рамках дискурса исторического и культурного единства России и Крыма «Известия» выражали идею того, что Крым – это часть русской истории и культуры, русская территория, незаконно переданная Украине в 1954 году.

Дискурсом защиты русскоязычного населения Крыма «Известия» показывали, что русскоязычным Крыма угрожает опасность со стороны украинских националистов и Россия намерена выполнить миротворческую функцию, введя в Крым свои войска. В рамках данного дискурса «Новая газета» отрицала наличие опасности для русскоязычных и называла введение российских войск в Крым военным вторжением.

Дискурсом защиты российских интересов газета «Известия» демонстрировала, что негативная реакция России на украинский Евромайдан и последующее присоединение Крыма связаны с её стремлением защитить свои интересы в Крыму. В качестве таких интересов назывались, например гарантированное базирование Черноморского флота в Крыму и военный нейтралитет Украины (интересы безопасности), широкая автономия Крыма и государственный статус русского языка (национальные интересы).

В рамках дискурса независимых действий и пророссийских настроений Крыма «Известия» показывали, что местные жители и местная власть сами защищались от новой украинской власти, затем попросили помощи у России и инициировали присоединение к ней. Не оспаривая пророссийские настроения Крыма, «Новая газета» привлекала внимание читателя к нежеланию части крымского населения – татар – становиться частью России.

Дискурсом поддержки присоединения Крыма россиянами газета «Известия» демонстрировала, что большинство россиян поддерживает присоединение Крыма к России. «Новая газета» фокусировалась на том, что в российском обществе наблюдается раскол из-за мнений относительно российских действий в Крыму. Россиян, не согласных с присоединением, притесняют.

Дискурс положительного развития Крыма в составе России возник в газете «Известия» после 16 марта – даты проведения референдума в Крыму. Газета демонстрировала, что Крым в составе России ожидает благополучное экономическое будущее и он рассматривается как перспективный регион с точки зрения экономического развития. «Новая газета» показывала, что жители Крыма выражают некоторое беспокойство о своём будущем в составе России, однако российская власть пока не реагирует на это.

В рамках дискурса незаконного присоединения Крыма «Новая газета» считала приведшие к присоединению мероприятия, а именно, оккупацию территории Крыма российскими войсками и референдум о статусе Крыма, противоречащими закону. Сам факт присоединения Крыма к России назывался нарушением международного соглашения.

Дискурсом негативных последствий «Новая газета» демонстрировала, что присоединение Крыма нежелательно, поскольку оно вызовет ряд отрицательных

последствий, например международную изоляцию России, экономические санкции, издержки на развитие Крыма, преследование российской оппозиции, войну в восточной части Украины. «Известия» также указывали на некоторые негативные последствия присоединения, однако признавали законность референдума и необходимость присоединения Крыма.

Таким образом, было выяснено, что репрезентации крымских событий, построенные газетой «Известия» и «Новой газетой», отличались друг от друга оценками присоединения Крыма и событий, к нему приведших. В ходе анализа также было определено, что некоторые компоненты репрезентации «Известий» представляют из себя политические мифы, нацеленные на укрепление господствующего российского политического дискурса, а аргументы «Новой газеты» против присоединения частично совпадают с аргументами западных СМИ. В целом отношения между дискурсами «Известий» и «Новой газеты» можно назвать борьбой доминирующего и подавляемого дискурсов. Нами также был выявлен ряд риторических приёмов, использованных обеими газетами для убеждения читателей, например подтверждение аргумента с помощью высказывания авторитета, выбор оценочной номинации, псевдономинация, ссылка на мифическое большинство, риторический вопрос. В материале «Известий» было замечено употребление domestic metaphor в отношении присоединения, характерной для пророссийского политического дискурса СМИ.

Рассмотренные нами дискурсы и репрезентации были выявлены в статьях, вышедших непосредственно во время крымских событий. В связи с этим данные статьи могли представлять первичный, не подвергнувшийся глубокому осмыслению анализ событий. На наш взгляд, в дальнейшем было бы интересно рассмотреть динамику дискурсов и репрезентаций вокруг Крыма и его присоединения, построенных в рамках пророссийских и оппозиционных СМИ за более долгий промежуток времени, начиная с 2014 года.

Также отметим, что применённый в нашем исследовании метод корпусной лингвистики – анализ коллокаций – в сочетании с КДА позволяет всё-таки рассматривать узкий контекст, что может влиять на полученные результаты. В связи с этим, если говорить об использовании количественных методов в КДА, нам представляется полезным дополнять сочетание анализа коллокаций и КДА другими методами корпусной лингвистики, например анализом ключевых слов. Дискурс-анализ также можно сочетать с одним из методов цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities) – тематическим моделированием (Topic Modelling) (Isoaho et al. 2019: 15–16).

Также заметим, что власть над формированием дискурсов, которую имеют газеты, оспаривается в настоящее время глобальной сетью Интернет, в которой

читательская аудитория может выражать своё мнение в социальных сетях или на интернет-страницах газет (Baker & McEnerу 2015б: 244). В отличие от газетных дискурсов, контролируемых привилегированными сообществами, дискурсы, появляющиеся в социальных сетях, являются более демократичными, поскольку создаются более широким рядом дискурсивных сообществ (Baker & McEnerу 2015б: 262–263). В этой связи, на наш взгляд, исследование публикаций и комментариев о Крыме и его присоединении в Twitter, Facebook, а также ВКонтакте могло бы раскрыть новые аспекты дискурсов и репрезентаций вокруг Крыма, существующих в российском обществе.

В конце заметим, что изучение дискурсов и репрезентаций, выстраиваемых любыми СМИ вокруг тех или иных политических, общественных событий и явлений, всегда является актуальным. Как отмечалось на протяжении всей нашей работы, важнейшей ролью СМИ является то, что они не только снабжают нас информацией, но и предоставляют готовые мнения и оценки относительно освещаемых событий, а также убеждают нас в том, что эти мнения и оценки справедливы. Изучение с критической точки зрения построения репрезентаций СМИ представляется важным для понимания глубинных структур формирования общественного мнения и функционирования общества в целом. Особый исследовательский интерес, на наш взгляд, представляет сравнение репрезентаций различных СМИ относительно одного и того же события, явления или ряда событий, явлений. Такое сравнение может дать возможность получить более сбалансированный взгляд на эти события, развить собственную точку зрения и избежать превращения в объект манипуляции.

Список использованной литературы

Исследовательская литература

- АМИРОВ 2012: Амиров, В. М. Политическая проблематика в журналистском дискурсе современных вооружённых конфликтов. *Политическая лингвистика*, 2012, 4 (42), 65–70.
- АМИРОВ 2014: Амиров, В. М. «Крымская тема»: аргументы политической борьбы в публикациях российских и зарубежных СМИ. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры*, 2014, 3 (129), 52–55.
- БАБАЯН 2017: Бабаян, В. Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики. *Верхневолжский филологический вестник*, 2017, 1, 76–81.
- БАЛАХОНСКАЯ 2015: Балахонская, Ю. В. Отличительные особенности политической мифологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 2015, 3 (67), 189–194.
- БАЛАХОНСКАЯ & СЕРГЕЕВА 2017: Балахонская, Л. В., Сергеева, Е. В. А. *Лингвистика речевого воздействия и манипулирования. Учебное пособие*. М.: ФЛИНТА: Наука.
- БАСОВСКАЯ 2004: Басовская, Е. Н. Риторические вопросы в современной публицистике. *Русская речь*, 2004, 1, 57–63.
- БУДАЕВ 2019: Будаев, Э. В. Критический дискурс-анализ СМИ: основные направления исследований в зарубежной лингвистике. *Современный дискурс-анализ*, 2019, 1 (22), 7–12.
- БЫКОВА 2000: Быкова, О. Н. Опыт классификации приёмов речевого манипулирования в текстах СМИ. *Речевое общение: Вестник российской риторической ассоциации*. Под ред. А. П. Сковородникова. Вып. 1 (9). Красноярск, 42–53.
- ван ДЕЙК 1989: ван Дейк, Т. А. *Язык. Познание. Коммуникация. Сборник работ*. М.: Прогресс.
- ван ДЕЙК 2013: ван Дейк, Т. А. *Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке коммуникации*. Пер. с англ. М.: Книжный дом «Либроком».
- ГОЛОУСОВА & АМИРОВ 2016: Голоусова, Е. С., Амиров, В. М. Крымский референдум и интерпретация его итогов в СМИ. *Политическая лингвистика*, 2016, 2 (56), 55–59.
- ДАНИЛОВА 2009: Данилова, А. А. *Манипулирование словом в средствах массовой информации*. М.: «Добросвет», «Издательство “КДУ”».
- ДЕМИЛЬХАНОВА & ДЕНИСОВА 2016: Демихальнова, А. М., Денисова О. Г. Специфика дискурса в Интернет-пространстве. *Историческая психология и социология истории*, 2016, 1, 86–95.
- ЗАРЕМБА 2018: Заремба, А. Будапештский меморандум: обещание безопасности, но не её гарантия. *УНИАН* 06.12.2018 (<https://www.unian.net/politics/10367010-budapeshtskiy-memorandum-obeshchanie-bezopasnosti-no-ne-ee-garantiya.html>).
- ЗАХАРОВ & ХОХЛОВА 2010: Захаров, В. П., Хохлова, М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах

- на русском языке. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Бекасово 26-30 мая, 2010 г.)*. Вып. 9 (16). М.: Изд-во РГГУ, 137–143.
- ИВИН 2016: Ивин, А. А. *Риторика. Учебник и практикум для академического бакалавриата*. М.: Юрайт.
- ИНТЕГРУМ б.г.: Базы данных Интегрум. (<http://www.integrumworld.com/rus/services.html>).
- ИССЕРС 2013: Иссерс, О. С. *Речевое воздействие. Учебное пособие*. М.: ФЛИНТА: Наука.
- КЛУШИНА 2010: Клушина, Н. И. Современный медиадискурс и его коммуникативно-стилистические особенности. *Мир русского слова*, 2010, 2, 25–29.
- КОЗЛОВ И ДР. 2019: Козлов, П., Волкова, О., Карпьяк, О. Хроника аннексии: «крымская весна» в воспоминаниях участников событий. *Русская служба Би-би-си*, 19.03.2019 (<https://www.bbc.com/russian/features-47609756>).
- LENTA.RU 2014: Совет Федерации разрешил Путину ввести войска на Украину 01.03.2014 (<https://lenta.ru/news/2014/03/01/sovfed/>).
- ЛЯПУН 2012: Ляпун, С. В. Проблемы воздействия на адресата в оппозиционной российской прессе (на материале «Новой газеты»). *Новые коммуникативные технологии и общественные трансформации. Материалы Второго международного симпозиума в области коммуникации*. Кыргызско-турецкий университет «Манас», 2-4 мая 2012 года, 795–804.
- ЛЯШЕНКО 2014: Ляшенко, И. В. Этнические прозвища украинцев в российской и украинской блогосферах. *Научный результат. Сетевой научно-практический журнал*, 2014, 2, 110–119.
- НАУМЕНКО 2005: Науменко, Т. В. *Социология массовой коммуникации. Учебное пособие*. СПб.: Питер.
- НИКИТИНА 2006: Никитина, К. В. *Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Башкирский государственный университет (<https://www.dissercat.com/content/tekhnologii-rechevoi-manipulyatsii-v-politicheskom-diskurse-smi-na-materiale-gazet-ssha>).
- НМГ 2019а: *Национальная Медиа Группа. Активы* (<https://nm-g.ru/actives/>).
- НМГ 2019б: *Газета «Известия» – одно из старейших печатных изданий России* (https://nm-g.ru/actives/sections.php?ID_BLOCK=3&ID_SECTION=6).
- NRS 2016: *Читательская аудитория России. Россия, Москва, Санкт-Петербург – 2016/4. Приложение I* (https://mediascope.net/upload/iblock/d9b/NRS_2016_4.pdf).
- ПИРТТИКОСКИ 2018: Пирттикоски, К. *Репрезентация развёртывания систем противоракетной обороны США в Восточной Европе в текстах российских СМИ*. Дипломная работа. Университет Восточной Финляндии. Русский язык и культура (http://epublications.uef.fi/pub/urn_nbn_fi_uef-20180839/urn_nbn_fi_uef-20180839.pdf).
- ПОКРОВСКАЯ 2006: Покровская, Е. В. Прагматика современного газетного текста. *Русская речь*, 2006, 3, 81–87.
- РБК 2017: «Новая газета» выбрала нового главного редактора на смену Муратову, 17.11.2017

- (https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/11/2017/5a0ebe7b9a794716ec3e17ed).
- РИА НОВОСТИ 2012: *Основные этапы развития газеты «Известия»*, 13.03.2012 (<https://ria.ru/20120313/592628788.html>).
- РИА НОВОСТИ 2018: *«Новая газета» начала принимать пожертвования из-за нехватки средств*, 13.09.2018 (<https://ria.ru/20180903/1527727523.html>).
- РОЗЕНТАЛЬ И ДР. 2010: Розенталь, Д. Э., Голуб, И. Б., Теленкова, М. А. *Современный русский язык*. М.: АЙРИС-пресс.
- СЕРЁГИНА & ЧУДИНОВ 2014: Серёгина, И. А., Чудинов, А. П. Метафорические слоганы в дискурсе референдума о статусе Крыма. *Политическая лингвистика*, 2014, 2 (48), 89–94.
- СИНЧУК 2018: Синчук, Ю. В. Крым – решение исторической миссии России. *Россия: тенденции и перспективы развития*, 2018, 13 (1), 197–198.
- ТИЧЕР И ДР. 2009: Тичер, С., Мейер, М., Водак, Р., Веттер, Е. *Методы анализа текста и дискурса*. Харьков: Гуманитарный Центр. [Original: Titscher, S., Meyer, M., Wodak, R., Vetter, E. *Methods of Text and Discourse Analysis*. Transl. B. Jenner. London: SAGE Publications 2000].
- ХОХЛОВА 2010: Хохлова, М. В. *Исследование лексико-синтаксической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов (на базе корпусов текстов)*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербургский государственный университет (<https://www.dissercat.com/content/issledovanie-leksiko-sintaksicheskoi-sochetaemosti-v-russkom-yazyke-s-pomoshchyu-statisticheskikh-metodov>).
- ЧЕПКИНА 2012: Чепкина, Э. В. Практики конструирования поля политики в журналистском дискурсе. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 11 (6): Журналистика. 2012, 72–77.
- ЧЕРНЯВСКАЯ 2013: Чернявская, В. Е. *Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие*. М.: ФЛИНТА: Наука.
- ШЕВАЛЬЕ 2015: Шевалье, Е. Как Крым вошёл в состав России: хроника событий. *Аргументы и факты*, 16.03.2015 (https://aif.ru/politics/russia/kak_krym_voshyol_v_sostav_rossii_hronika_sobytiy#id=3357751).
- ЭК = *Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная энциклопедия*. Б.г. (<https://www.krugosvet.ru>).
- BAKER 2006: Baker, P. *Using corpora in discourse analysis*. Continuum, London, New-York.
- BAKER 2012: Baker, P. Acceptable bias? Using corpus linguistic methods with critical discourse analysis. *Critical Discourse Studies*, 2012, 9 (3), 247–256.
- BAKER ET AL. 2013: Baker, P., Gabrielatos, C., McEnery, T. *Discourse Analysis and Media Attitudes. The Representation of Islam in the British Press*. Cambridge University Press.
- BAKER & McENERY 2015a: Baker, P., McEnery, T. Introduction. *Corpora and Discourse Studies. Integrating Discourse and Corpora*. Ed. by P. Baker and T. McEnery. Palgrave Macmillan.
- BAKER & McENERY 2015b: Baker, P., McEnery, T. Who Benefits When Discourse Gets Democratised? Analysing a Twitter Corpus around the British Benefit Street Debate. *Corpora and Discourse Studies. Integrating Discourse and Corpora*. Ed. by P. Baker and T. McEnery. Palgrave Macmillan.

- BURR 2003: Burr, V. *Social Constructionism*. London: Taylor & Francis [CAM].
- FAIRCLOUGH 1995: Fairclough, N. *Media Discourse*. Edward Arnold, London, New York.
- FAIRCLOUGH 2001: Fairclough, N. *Language and Power. Second Edition*. Longman, Pearson Education.
- ISOAHO ET AL. 2019: Isoaho, K., Gritsenko, D., Mäkelä, E. Topic Modelling and Text Analysis for Qualitative Policy Research. *Policy Studies Journal*. 2019, 0 (0), 1–25.
- JOKINEN 2016: Jokinen, A. Vakuuttelevan ja suostuttelevan retoriikan analysoiminen. *Diskurssianalyysi. Teoriat, peruskäsitteet ja käyttö*. Ed. by A. Jokinen, K. Juhila and E. Suoninen. Tampere: Vastapaino.
- RYCHLÝ 2008: Rychlý, P. A Lexicographer-Friendly Association Score. *Proceeding of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, RASLAN 2008*. Ed. by P. Sojka and A. Horák. Masaryk University, Brno, 6–9, (<https://www.fi.muni.cz/usr/sojka/download/raslan2008/13.pdf>).
- PARTINGTON 2015: Partington, A. Corpus-Assisted Comparative Case Studies of Representations of the Arab World. *Corpora and Discourse Studies. Integrating Discourse and Corpora*. Ed. by P. Baker and T. McEnery. Palgrave Macmillan.
- PIETIKÄINEN & MÄNTYNEN 2009: Pietikäinen, S., Mäntynen, A. *Kurssi kohti diskurssia*. Vastapaino, Tallinna.
- SEG = *Sketch Engine Glossary*. Б.Г. (<https://www.sketchengine.eu/guide/glossary/>).
- SKETCH ENGINE Б.Г.: *Russian text corpora* (<https://www.sketchengine.eu/user-guide/user-manual/corpora/by-language/russian-text-corpora/>).
- SKETCH ENGINE 2015: *Statistics used in Sketch Engine* (<https://www.sketchengine.eu/documentation/statistics-used-in-sketch-engine/>).
- SMOLYAROVA 2018: Smolyarova, A. *Media Use and Russian Media Market Today*. A lecture as a part of the course Post Soviet Media Today provided by the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki in May 2018.
- STRATFOR WORLDVIEW 2014: *Russia: Using Crimea as Leverage in Ukraine*. 25.02.2014 (<https://worldview.stratfor.com/article/russia-using-crimea-leverage-ukraine>).
- STRATFOR WORLDVIEW 2016: *Crimea: Russia's Little Pawn*. 16.08.2016 (<https://worldview.stratfor.com/article/crimea-russias-little-pawn>).
- STUBBS 2002: Stubbs, M. *Words and Phrases. Corpus Studies of Lexical Semantics*. Blackwell Publishing.
- TALBOT 2007: Talbot, M. *Media discourse: representation and interaction*. Edinburgh University Press.
- WEBB 2008: Webb, J. *Understanding Representation*. SAGE Publications.

Словари

- БТСРЯ = Кузнецов, С. А. *Большой толковый словарь русского языка*. СПб: Норинт, 2014 (<http://gramota.ru/slovari/info/bts/>).
- ИСГРЯ = Епишкин Н. И. *Исторический словарь галлицизмов русского языка*. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010 (<https://dic.academic.ru>).
- НСРЯ = Ефремова, Т. Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. М.: Русский язык, 2000 (<https://www.efremova.info>).
- НФЭ = Стёпин, В. С. *Новая философская энциклопедия*. М.: Мысль, 2001.

ЭСКСВ = Серов, В. В. *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*.
М.: «Локид-Пресс», 2003 (<https://dic.academic.ru>).
УРАС = Универсальный русско-английский словарь. Академик.ру, 2011
(<https://dic.academic.ru>).